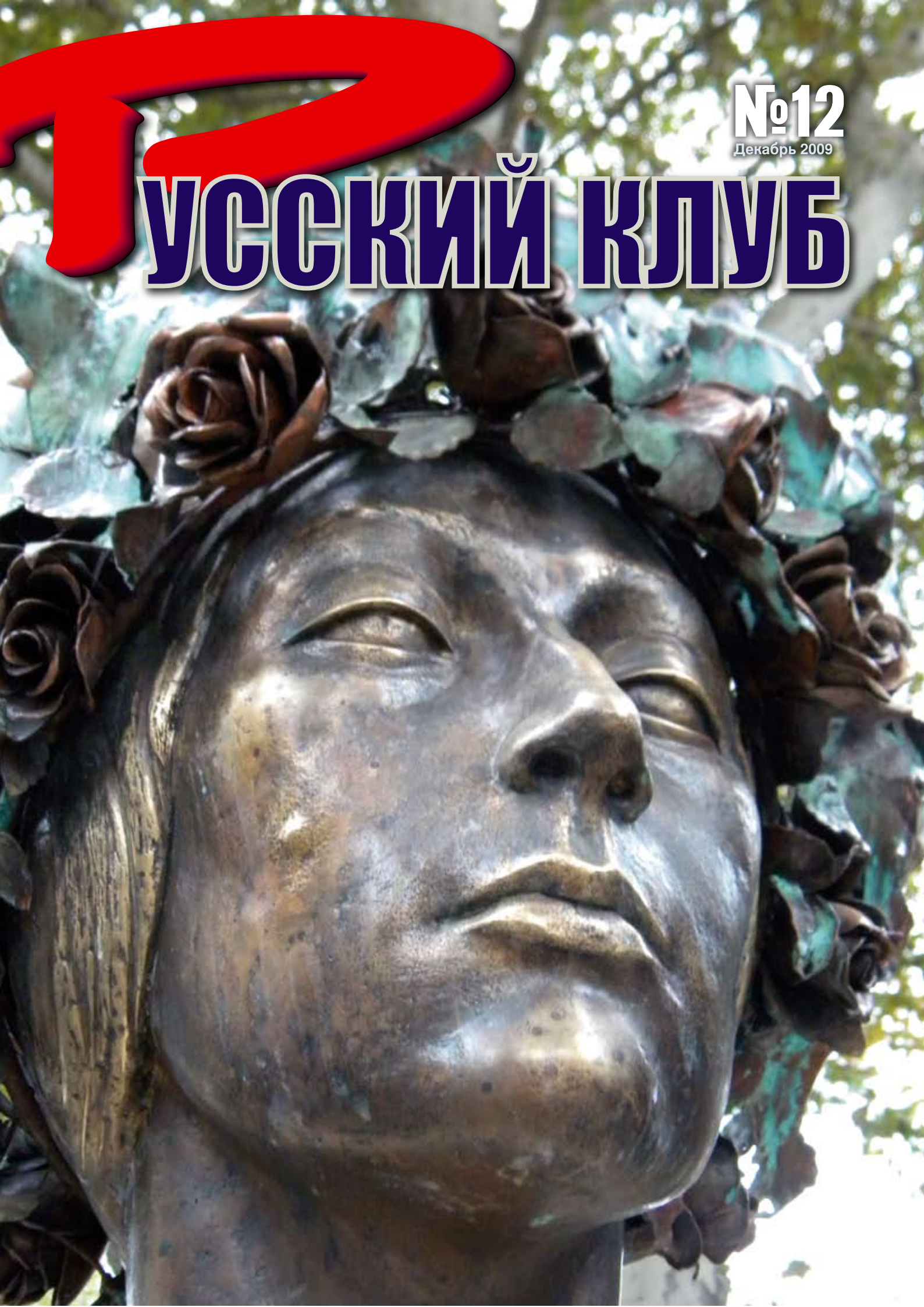


№12
Декабрь 2009

Т УССКИЙ КЛУБ



Airzena



fly with us with **Electronic** Tickets now!

www.airzena.com

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Арсен Еремян, Донара Канделаки,
Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№12⁽⁵¹⁾
Декабрь 2009

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge



ФОНД РУССКИЙ МИР

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гита Лордкипанидзе, Роин Метрели, Нани Брегвалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахеци, Ирма Сохалдзе, Гоги Кавагвалдзе, Гуджа Бубугтеишвили, Александр Эбаноидзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Поликанова (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ МИР	ВЫ ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ?	4
ФЕСТИВАЛЬ	«НЕЗНАКОМОЙ ПОРОДЫ СЛОВА ЗАЩЕКОЙ...»	7
	«МНЕ СНИТСЯ ГРУЗИЯ...»	10
ЮБИЛЕЙ	УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН	14
СОТРУДНИЧЕСТВО	С ЛЮБОВЬЮ К КАВКАЗУ	15
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	«ДИЭЛО»: С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ	18
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ЭПИКУРЕЕЦ	21
О СПОРТ!	КАКАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ БОРЬБЫ	24
ИСТОРИЯ	ШИЛЛЕР НА СЦЕНЕ ТИФЛИССКОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА	28
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ОЧАРОВАНИЕ СТАРОГО ТБИЛИСИ	30
ПАМЯТЬ	ДУША ГРУЗИИ	32
ПОЗДРАВЛЯЕМ!	ПАТРИАРХ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	34
ПРЕМЬЕРА	«ОТ СИБИРИ ДО МОСКВЫ»	35
ПЕРЕВОДИМ	ЭЛГУДЖА БЕРДЗЕНИШВИЛИ	36
ПРИЗНАНИЕ	НАЙДИТЕ МУЗЫКУ В СЕБЕ	40
ТРАДИЦИЯ	ПРАЗДНИК МУЗЫКИ	43
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	СОЛО ДЛЯ ГОЛОСА	45
НАШ КАЛЕНДАРЬ	ЧУДЕСА В СТРАНЕ АЛИСЫ	48
ВЕРНИСАЖ	МЕСЯЦ ХРИЗАНТЕМ	49
ЗНАЙ НАШИХ!	ТЕАТР ГУРАМА ЧЕРКЕЗИШВИЛИ	50
ШЕДЕВР	МУЗА РУССКОГО ИСКУССТВА	52

На обложке - памятник Софиго Чиаурели в Тбилиси (скульптор Леван Вардосанидзе).
Фото Александра Сватикова



ВЫ ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ?

На открытии Ассамблеи

По сложившейся традиции 3 ноября, накануне празднования Дня народного единства, Москва собирала соотечественников из разных уголков планеты. На этот раз на III Ассамблею Русского мира прибыли около тысячи гостей из 80 стран мира — представители творческой и научной интеллигенции общественных и культурных организаций мира, дипломатические работники, политические деятели и эксперты. Проходила Ассамблея, как обычно, в Интеллектуальном центре МГУ имени М.В. Ломоносова. В залах фойе еще до открытия Ассамблеи для гостей были развернуты выставки, фото- и видеоэкспозиции, а также представлена звонница Русского мира с настоящими церковными колоколами. Книжные издательства демонстрировали свои новые книги, отдельно проходила выставка зарубежных русскоязычных издательств, любители народного творчества могли полюбоваться рукотворными чудесами народных умельцев, ценители искусства толпились вокруг выставки кукол «Пушкиниана», а реалисты-прагматики шли на презентацию-практикум «Программное обеспечение библиотеки Русских центров».

Актовый зал ждал участников для торжественного открытия Ассамблеи. Оформление сцены символизировало земной шар, разделенный меридианами и параллелями, во всю высоту кулис развешены фотографии наших знаменитых соотечественников, а на карте мира светились огни точек, где присутствует Русский мир. Это визуальное напоминание о широте его распространения по всей планете впечатляло. А

главное, вполне соответствовало лозунгу Ассамблеи 2009 — «Мир Русского мира».

Какой он, этот мир? Это был один из ключевых вопросов встречи.

Церемонию открытия III Ассамблеи проводили исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов и глава попечительского совета фонда, ректор и президент Санкт-Петербургского государственного университета Людмила Вербицкая. В своем приветственном слове Никонов отметил, что «Русский мир — это не ностальгия о прошлом, а мечта о будущем людей великой культуры, которые остро реагируют на несправедливость, которым небезразличны понятия чести, служения, которые находятся в неизменном стремлении к свободе». А выступление Вербицкой — это краткий, но внушительный отчет о работе фонда в этом году: он поддержал 450 проектов из разных стран мира, почти две трети которых связаны с продвижением современных методик изучения русского языка. При поддержке фонда выпущено 60 современных учебников, создано 15 инновационных программ по обучению русскому языку представителей разных языковых культур, оказана поддержка более 120 зарубежным русским школам, курсам русского языка и литературы. На базе Русских центров было проведено множество методических конференций, олимпиад, других мероприятий, в том числе студенческий фестиваль «Друзья мои, прекрасен наш союз» в Кракове. В заключение Людмила Вербицкая оптимистично заявила, что «планета должна заговорить по-русски».

После чего Людмила Вербицкая и Вячеслав Никонов объявили о начале работы Ассамблеи.

На открытии Ассамблеи были зачитаны приветствия, направленные руководством страны, представителями законодательной и исполнительной власти, религиозными и общественными деятелями.

Президент России Дмитрий Медведев в своем приветствии Ассамблее выразил убеждение, что столь широкое представительство означает желание соотечественников объединиться для решения задач, стоящих перед современной Россией и содействовать повышению ее авторитета в мире. Его послание зачитал специальный представитель президента по международному и культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой. В приветствии главы правительства Владимира Путина, зачитанном зампредом правительства РФ Александром Жуковым, высоко оценена работа фонда «Русский мир», ставшего «уникальным масштабным проектом в области международного сотрудничества».

Большой резонанс имело выступление Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, появившегося перед публикой под звон колоколов звонницы Русского мира. Свою речь Патриарх посвятил размышлениям о будущем русской культуры и Русского мира. По его мнению, глобализация ставит все культуры перед вызовом — раствориться в ее потоке или стать новым самостоятельным фактором в едином мире. У Русского мира есть все возможности пойти по второму пути. Его Святейшество отметил, что духовной основой Русского мира является Русская Православная Церковь, слово «русская» в названии которой не является этническим обозначением, а лишь указывает на культурную общность. Он говорил также о роли РПЦ в объединении раздробленного Русского мира. Русские приходы за рубежом, считает патриарх, являются мощным фактором, препятствующим ассимиляции русских людей.

Особое внимание Патриарх Кирилл уделил проблеме взаимоотношений с сопредельными православными государствами. Он поделился опытом своей пастырской поездки в Украину, указав на то, что, несмотря на государственное разделение и политические нестыковки, мы духовно остаемся одним народом. Патриарх подчеркнул, что Церковь не ставит под сомнение границы государств, хотя признал, что в современном виде они создают препятствия для общения жителей России, Украины и Белоруссии. По его мнению, это лишь ослабляет государства, связанные историческим и культурным единством.

Патриарх предложил ввести в употребление новый термин, понятие «страна русского мира», если в ней русский язык используется как язык межнационального общения, развивается русская культура, хранится общи историческая память». По мнению Патриарха Московского и всея Руси, необходимо создавать условия для знакомства соотечественников, живущих в дальнем зарубежье, с русской культурой: открывать центры изучения русского языка, в том числе при приходах, создавать библиотеки, интернет-сайты, научные центры, способствовать поступлению молодых соотечественников в учебные заведения не только в России, но и в Украине, в Белоруссии.

На Ассамблее было подписано соглашение между Русской Православной Церковью и фондом «Русский

мир» о системном сотрудничестве.

После чего со своими посланиями к участникам Ассамблеи обратились председатель совета муфтиев России Равиль Гайнутдин и верховный раввин России Берл Лазар, который выступил с конкретными предложениями о программах молодежного обмена, что позволит еврейской русскоязычной молодежи приезжать в Россию и налаживать контакты со сверстниками. А ректор МГУ В. А. Садовничий говорил о важности сохранения образовательного потенциала России и престижности получения образования на русском языке.

Внимание зала не могло не привлечь и выступление Советника Президента РФ, бывшего российского посла в Украине В. С. Черномырдина. Он убежден в



Участники круглого стола «Издательская политика Русского мира»



Регистрация участников Ассамблеи

том, что русский язык был, есть и будет, а потому все попытки его притеснить обречены на неудачу. Черномырдин призвал фонд «Русский мир» занимать более активную позицию в поддержке русскоязычных граждан в ближнем зарубежье.

В заключение Вячеслав Никонов объявил о начале специальной акции «Русский мир — память сердца», направленной на сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Чтобы подчеркнуть важность про-



На заседании



Выставка-ярмарка книжных издательств

водимой акции, перед гостями Ассамблеи выступила украинская художница Ксения Симонова, представившая анимацию на песке «Ты всегда рядом», посвященную памяти о Великой Отечественной войне.

По окончании торжественной части прошла очень интересная подиумная дискуссия «Мир Русского мира», которую вели Вячеслав Никонов и Людмила Вербицкая. Впрочем говорить о дискуссии в строгом смысле этого слова невозможно. Ее участники, скорее, представили разнообразные сведения о своей деятельности в области популяризации русского языка за рубежом, сохранении культурного наследия русского зарубежья и защите прав русскоязычных граждан в сопредельных с Россией государствах. В ее работе приняли участие директор Института этнологии и антропологии РАН Валерий Тишков, депутат Европарламента от Латвии Татьяна Жданок, заведующий кафедрой русского языка Кабульского университета Кучай мир Сахиб Джан, преподаватель русского языка Тель-Авивского университета Марина Низник, заместитель руководителя Россотрудничества Александр Чесноков, председатель Международного совета российских соотечественников Петр Шереметев, председатель Луганского областного совета Валерий Голенко (Украина), президент Американских советов по международному образованию Дэн Дэвидсон и другие.

Из сообщений участников выяснилось, что проблемы, стоящие перед русскоязычными соотечественниками в разных странах, порой противоположны, что говорит о сложности миссии фонда «Русский мир». В частности, Валерий Тишков рассказал о подготовке к выпуску многотомного издания, посвященного повседневной жизни русского зарубежья и особенностям функционирования русской культуры в иностранной среде.

Татьяна Жданок и Валерий Голенко озвучили свои мнения по защите прав русскоязычных жителей Латвии и Украины. Татьяна Жданок сообщила также о проведении в Брюсселе русскоязычного молодежного форума стран Евросоюза.

Много интересных фактов представил Дэн Дэвидсон о преподавании русского языка в американских средних школах на основании переписи, подготовленной руководимой им Ассоциацией. Так, по его данным, русский язык в США изучает около 15 000 школьников в 46 штатах. Несмотря на то, что больше всего изучающих русский язык школьников проживает в Нью-Йорке и Нью-Джерси, больше всего школ с преподаванием русского языка почему-то в штате Техас. Дэн Дэвидсон обратил внимание на то, что в ряде школ администрация оценивает русский язык как неперспективный, наряду с немецким, и признал необходимость активной работы со школьными администрациями по устранению этого предубеждения. После выступления Дэвидсона было подписано соглашение об открытии в Вашингтоне Русского центра на базе Американских советов по международному образованию.

Заведующий кафедрой русского языка Кабульского университета Кучай мир Сахиб Джан Новабхаи представил информацию о преподавании русского языка совсем в другом мире и других условиях. Он рассказал об истории и современности преподавания русского языка в Афганистане. Среди прочего он представил предложения о конкретных мерах по укреплению позиций русского языка в стране, в частности, об организации одной или двух русских школ.

Другой опыт, связанный с преподаванием русского языка, представила директор русской школы-пансиона на Мальте Снежана Бодиштяну. История руководимого ею учебного заведения, использующего программы советских спецшкол и интегрированного в мальтийскую и общеевропейскую образовательную системы, где сейчас проходят обучение русскоязычные дети из многих стран мира, это пример успешного встраивания русского языка в современные реалии и поиска перспективных форм его сохранения и развития в условиях диаспоры.

В дальнейшем работа Ассамблеи была разбита на круглые столы и тематические секции, на которых участники получали новейшую информацию и обсуждали интересующие их проблемы. А главное, это была возможность непосредственного общения людей, где они могли озвучить свои предложения, обсудить планы и перспективы новых проектов, в том числе совместных. Эти обсуждения продолжались и вечером, после культурной программы в Музыкальном театре им. К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко. Его великолепное здание, неузнаваемое после ремонта, с просторными фойе и холлами, как нельзя больше располагало к общению, обмену мнениями и появлению новых совместных идей. Там же, на заключительном ужине, исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов обратился к участникам с самыми теплыми пожеланиями и надеждой увидеть всех участников на следующей IV Ассамблее «Русского мира».

Вера ЦЕРЕТЕЛИ



«НЕЗНАКОМОЙ ПОРОДЫ СЛОВА ЗАЩЕКОЙ...»

Глеб Шульпяков – поэт, прозаик, автор книг путевых очерков, главный редактор журнала «Новая Юность», ведущий программы «Достояние республики» на российском канале «Культура».

«Возможно, все наши перемещения по глухим странам имеют один корень. Один бессознательный мотив – вспомнить, что мерещилось в другой жизни, в детстве. Увидеть нарисованное в воображении – тогда, давным-давно. И мы едем – чтобы собрать наконец этот пазл. Дорисовать картину...» Но еще присутствует и сознательный мотив. Шульпяков не только возрождает забытое. В поиске он создает свою картину мира – порой вымышленного – в прозе и поэзии, порой отражающего реальность – в путевых заметках.

- В твоей власти комбинировать разные реальности, к примеру, русскую провинцию и Гималаи, - объясняет Шульпяков. - Это различные формы существования и все они равноправны. Ты не один на этой планете, вокруг еще несколько миллиардов человек. Поэтому необ-

ходимо выстроить такую схему, в которой эти реальности не ущемляли бы права существования других людей и их сознаний. А перемещаться из одной реальности в другую, приобщаясь и вникать в их суть – это безусловно интересно. Самое главное понять, что все эти реальности есть в тебе и они не чужие, они присутствуют в твоём сознании. Сознание человека – это и Зимний дворец, то есть анфилада залов, и лабиринт. Но большинство людей пользуются только одной-двумя прихожими. И не

пример небоязни открывать новые горизонты, незнакомые миры. И себя в них.

Есть категория литераторов, которая панически боится потерять то, что наработано. Они работают на шаблонах, эксплуатируя их до бесконечности. Шульпякову это чуждо – раз Америка открыта, можно и нужно плыть дальше. Обретая, ты расстанешься, чтоб пуститься в очередную путь. Для страха не остается места.

Видоизменяться, притом постоянно, – это необходимость, которая преследует не псевдотворческую личность.

«Обрастаешь стихами, как будто вторая кожа / первой поверх покрывает лицо и руки...» И дальше у Шульпякова: «Обрастаешь собой, открывая в себе чуланы, / комнаты, где не погашен огонь...»

- Обязательный, важный момент, когда ты сбрасываешь кожу. Она перестает быть твоей, но в этом есть легкость, потому что это больше не довлеет, не преследует. С этим тебя уже ничего не связывает. И одновременно это гигантское ощущение пустоты, после чего начинается страшная паника – «что теперь?» Стихи надо ждать, чтобы что-то с тобой произошло, снизошло. Для этого нужно стать пустым сосудом. Позволять времени тебя вести, формировать. Мять как глину. Ты должен избавиться от своих «я», от наработанных эстетических привычек. Опустошить себя. Когда есть замыслы стихов, они гудят, зудят. И ты начинаешь метаться: «Где спрятаться? Мне нужно место!» Это происходит интуитивно. Как животное, которое ищет безопасное место, чтобы родить там звереныша. И ты предпринимаешь шаги, едешь в Индию или в Тверскую область. Нужно настаивать, нагуливать, ходить, ждать. Это бесконечное ожидание. Ты никогда не знаешь, когда это произойдет. В каком-то смысле стихи начинают тобой вилять. Не ты виляешь хвостом, а он тобою. Стихи становятся первичными, а твоя биография подстраивается под них. Так стихи диктуют твою жизнь. Ты становишься уловителем, гигантской антенной, спутниковой тарелкой. И ты таскаешь на себе эту тарелку, все время ищешь сигнал.

В критической заметке «Глаголом жжот», опубликованной в «Новой газете», Шульпяков пишет, что в новой поэзии нет важнейшего для поэзии акта – смыслового скачка. Она течет по инерции, не желая прикладывать усилий для превращения и прорыва.

- Задача критиков – сориентировать читателя в море литературного мусора. Десятки околотитурных людей в Москве пишут о стихах, но лишь единицы понимают, о чем, собственно, речь. Что такое поэзия, стихи. Поэтов не обманешь, они друг друга чувствуют. А вот чтобы критик понял... Масса «критиков» использует критику, чтобы преподнести себя. Самоутвердиться. Они давно уже – часть маркетингово-экономической схемы. К сожалению, сознательно или бессознательно, но они – звенья в механизме реализа-

ции книг. Сегодня востребована поэзия, которая строится на филологических внешних вещах, собирая мусор современности и из него выстраивая поэтику. Почему? Ее легко препарировать дипломированным специалистом, которых сотнями выпускают филфаки страны. Этим спецам тоже нужен хлеб. А вот почувствовать второй, десятый план – то, что стоит за стихотворением, что за ним течет – для этого стихи надо переживать, а потом подбирать для этого переживания уникальные слова, формулировать эмоцию. А это очень сложно. С другой стороны, стихи вообще не нужно объяснять. Они сами о себе должны говорить. Ты можешь ничего не понять, но можешь на несколько секунд остолбенеть, отключиться и превратиться во что-то другое. Поскольку стихи входят в тебя помимо твоего разума. А критик потом объяснит, почему это произошло. Именно критик заражает, он переносит этот вирус.

Попробуем на минуту переродиться. Обрести иную форму. Внутренне почувствовать шульпяковскую строчку:

мой стих

*слепой как птица на ветру,
облепленный пером
чужих имен – как вкус во рту,
который незнаком –
на вечном обыске, по швам
все ищет край времен,
как много будущего – там
как холодно мне в нем*

- Стихи – это прекрасно, я хожу по улицам и они бормочутся сами. А проза – это ежедневное усилие, ты каждый день должен сажать себя на галеры, приковыривать сам себя и грести. Или вот еще одно сравнение. В прозе ты строишь гигантский корабль, проводишь электричество, покупаешь вино, еду, заселяешь его пассажирами, нанимаешь команду, капитана. Но когда корабль отплывает, тебя на борт не берут, ты остаешься на берегу. Это самые удивительные времена между книгами. Так, когда расстанешься с человеком, у тебя образуется вакуум – словно пустая квартира. Первая мысль: «Как же хорошо! Сколько места освободилось!» Но потом начинаешь строить и заселять новый корабль. Ты все время живешь на два дома. Знаете, поэты и писатели любят двойную жизнь. Это заложено у них в подсознании. Ты здесь и в то же время там. Всегда стремишься в параллельную реальность. И в какой-то момент перестаешь понимать, какая из этих жизней реальней, если честно. Реальность материальная первична лишь в силу своей осязаемости, тем, что мы можем ее пощупать, попробовать. Но это всего лишь декорация. Мы часто разыгрываем роли, диктуемые именно литературой, то есть другой реальностью. Все события, которые происходят в так называемой привычной реальности, часто подчиняются законам поэзии и прозы. Книжки никогда не исчезнут, ничто их не вытеснит. Чем хороша книга? В ней ты режиссер, то есть все эти образы ты сам создаешь в своем воображении. В телевизоре все уже за тебя смонтировали, не оставив выбора. Почему так популярно телевидение? Оно избавляет от усилия самому формировать реальность. Человека отучают делать это интеллектуальное усилие, ведь открывая хорошую книгу, он оказывается перед задачей: думать, формировать самому. Книжная, литературная реальность – одна из самых мощнейших, вряд ли с ней можно расстаться.

В ближайшем будущем в свет выйдет новый роман Глеба Шульпякова «Фес» (последние главы которого дописывались в том числе и в Грузии, в Григолетти, где этим летом проходил Международный русско-грузинский поэтический фестиваль «В поисках Золотого руна»).

- Фес – город в Марокко, который произвел на меня невероятное впечатление тем, что своей структурой повторял человеческое подсознание, и сознание, и мышление, и жизнь человека, и его физиологию. Это клубок переулков, где мечутся мысли, где есть широкие площади, где светло и чисто, как в детстве, в начале жизни. Но это еще и площадь, где собраны все соблазны мира – базар, цирковое представление двадцать четыре часа на протяжении многих веков. Жонглеры, гадалки, сказители, сутенеры. И ты понимаешь, что это территория соблазнов. И что ты, как и в жизни, должен пройти ее. Вот страшный клубок переулков, кошмар твоего сознания, умопомрачение. Ты проваливаешься в подсознание, за изнанку. Но если ты пройдешь этот квартал, где все бурлит и чавкает, за ним откроются райские сады. Гармония, прекрасные фонтаны, вода, благоухающие розы. Поэтому для меня Фес – это не столько город, сколько реализованная буквальная метафора жизни человека.

«Никогда не следовать напрямую. Не доверять тому, что лежит на видном месте ... Всегда заглядывать за внешнюю сторону экрана», - так определил себя сам Шульпяков.

Его поколение – «тридцатилетних», получивших в 90-е годы инъекцию свободы. По словам Глеба, они были теми подопытными кроликами, на которых время хлестало как из прорванной плотины. Время, трансформировавшее их сознание, перевернувшее с ног на голову их «вчера».

Сегодня, в новое время, считает Шульпяков, все меньше подлинного. Современный мир построен на культуре потребления, а реальности как таковой никто не знает. И сознание нового поколения сформировалось суррогатом, не содержанием, а этикетками.

Шульпякову как ведущему цикла передач «Достояние республики» часто приходится бывать в старинных русских городах, где невозможно остаться равнодушным к тому, что там происходит. К тому, что российская провинция теряет самобытность, на смену которой приходит новодел, безвкусный и пошлый. Большой темой стала судьба архитектурного наследия в старой Москве, где на месте памятников прошлых столетий остаются пустыри. Потому что ему не безразлично, какой завтра или послезавтра будет выглядеть Москва. Какой она предстанет перед следующими поколениями.

*... написать бы про город, мой город под розовым льдом
с леденцами твоих куполов, пересыпанных снегом,
я твои переулки разглажу, как фантик, ногтем
и пройду до кольца незнакомым тебе человеком...*

В Грузии Шульпяков побывал несколько раз и с присущим ему юмором отметил, что «если вы едете в Грузию, бросьте часы: часы вам здесь более не понадобятся. От застолья до оперы все тут идет своим чередом. Это в Европе время бежит и тащится. В Грузии оно что чурчхела. Тут широко, там узко – течет по синусоиде и в ус не дует. И не пытайтесь изменить ход вещей! Запомните главное. Все, что обещано в Грузии, сбывается. Как? В этом-то вся интрига».

Алена ДЕНЯГА



Глеб Шульпяков

желают открывать другие двери. Потому новые, другие реальности они меряют мерками своей прихожей.

Альбер Камю смотрел в корень – путешествия помогают вновь обрести себя.

Дневники Шульпякова – это не только увлекательные пробеги, сдобренные тонким юмором, всегда неожиданными сравнениями и яркими наблюдениями, переплетенными с эксклюзивной информацией для путешественника. В них еще присутствует заразительный

«МНЕ СНИТСЯ ГРУЗИЯ...»

**ФИНН ПАВЕЛ
КОНСТАНТИНОВИЧ –
КИНОДРАМАТУРГ, ПУБЛИЦИСТ,
ЭССЕИСТ. РОДИЛСЯ В 1940
ГОДУ В МОСКВЕ. В 1962
ГОДУ ОКОНЧИЛ СЦЕНАРНЫЙ
ФАКУЛЬТЕТ ВГИКА,
МАСТЕРСКУЮ А. КАПЛЕРА.
ЗАНИМАЛСЯ ЖУРНАЛИСТИКОЙ,
РАБОТАЛ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ
КИНО И НА ТЕЛЕВИДЕНИИ. С
1968 ГОДА ПИШЕТ СЦЕНАРИИ К
ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ФИЛЬМАМ.
АВТОР БОЛЕЕ 35 СЦЕНАРИЕВ,
СРЕДИ КОТОРЫХ «ВСАДНИК
БЕЗ ГОЛОВЫ», «ВООРУЖЕН И
ОЧЕНЬ ОПАСЕН», «ОБЪЯСНЕНИЕ
В ЛЮБИ», «ДВАДЦАТЬ
ШЕСТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ
ДОСТОЕВСКОГО», «ЛЕДИ
МАКБЕТ МЦЕНСКОГО УЕЗДА»,
«ПОДАРОК СТАЛИНУ». ЧЛЕН
АКАДЕМИИ РОССИЙСКОГО
ТЕЛЕВИДЕНИЯ. ЧЛЕН СОЮЗА
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ
РОССИИ. ЗАСЛУЖЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ РОССИИ.
РУКОВОДИТЕЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ
МАСТЕРСКОЙ НА ВЫСШИХ
КУРСАХ СЦЕНАРИСТОВ И
РЕЖИССЕРОВ.**



Павел Финн

хотя я ее не видел... Даже не Грузия снилась, а какое-то ощущение Грузии, ощущение чего-то необычайного... А сейчас у меня действительно здесь очень много друзей. Во ВГИКе, где я учился с 1957 года, была дивная грузинская компания – Эльдар Шенгелая, его младший брат Георгий, уже ушедшая, как это ни горестно, Софики Чиаурели, Бадик – Баадур Цуладзе, Тамаз Мелиава, с которым я подружился позднее, тоже ушедший - с ним Эльдар делал «Белый караван». Позже я познакомился с Тито Калатозовым. И там же учился Отар Иоселиани, с которым я дружу до сих пор и который, кстати, только что звонил мне из Парижа.

- Вы в Грузии не впервые. А можете ли вы вспомнить свои первые впечатления?

- Первый раз я был здесь проездом. Это был 1949 год. Мне было 9 лет. Я с мамой ехал в Ереван, где мой отец работал в русском драматическом театре. Сейчас нет поезда Москва-Ереван, а тогда он шел через Грузию, и я первый раз в жизни увидел море – это стало сильнейшим потрясением, а в Тбилиси была долгая остановка. Я не увидел город, потому что это был вокзал, но что-то загадочное в меня вселилось уже тогда... По сравнению с моими друзьями – Давидом Маркишем, который переводил грузинских поэтов, Валерием Туром, который познакомил меня с Тамазом и Отаром Чиладзе, Беллой Ахмадулиной – я приехал в Грузию поздно. Но до этого Грузия мне постоянно снилась,

- Славная компания!

- Да, компания та еще! А на сценарном факультете старше меня на три-четыре курса учился Борис Андроникашвили – красавец необычайный, гусар или, как сейчас называют, плейбой. Его женой тогда была Люся Гурченко. Дружить мы стали чуть-чуть позже – Боря, Алеша Габрилович и я. И поскольку я очень дружил с Борей, то был допущен в это московское грузинское товарищество. И это во многом повлияло на мою дальнейшую жизнь - законы этого товарищества, отношение к застолью, к веселью и к серьезности. Мое восприятие Грузии было во многом связано и с поэзией, и это было огромное влияние. Я был начитанным молодым человеком и рано начал читать Мандельштама, Пастернака, а

тема Грузии была для них необычайно важна, я уж не говорю про поэтов девятнадцатого столетия. И Грузия стала для меня частью жизни безусловно и абсолютно. Но попал я в Грузию в первый раз в 1967 году. В те годы я работал в документальном кино, в журналистике. Тогда выходил журнал «Спутник кинофестиваля», посвященный Московскому международному кинофестивалю. Я сотрудничал в этом журнале, начинал рядовым сотрудником, закончил заместителем главного редактора. Меня послали в Грузию в командировку, точнее, можно сказать, что я сам себя послал – я безумно хотел на Кавказ. В Ереване я должен был встретиться с Сережей Параджановым, с которым я был хорошо знаком, поскольку его картину «Тени забытых предков» снимал мой друг Юра Ильенко. Я встретился с Сережей, а потом он меня проводил, и я уехал в Тбилиси. И на улице Барнова, номер 12 я постучался в дверь дома, где жил Отар Иоселиани, который меня ждал. И Тбилиси мне впервые показывали Отар и наш друг Гоги Харабадзе, показывали не как гиды, а как товарищи, собутыльники. Это было время, когда на улице Плеханова Отар монтировал свою первую картину.

- С такими друзьями попробуй не полюби этот город...

- Да, да... Была масса замечательных впечатлений – прекрасных, смешных, которые я до сих пор вспоминаю... Потом довольно долгое время я не был в Грузии, а в 1986 году случился знаменательный момент – в апреле мы с женой поехали отдыхать в Пицунду (а я очень редко ездил отдыхать, я вообще никогда не отдыхаю). Как-то так получилось... Мы жили в Доме творчества. В несезонное время Дом сдавался, и тогда там кинематографистов не было, а жили шахтеры. И вдруг я среди множества лиц увидел знакомое лицо и не мог поверить своим глазам. «У меня такое ощущение, что это Сережа Параджанов, но этого не может быть», - сказал я жене. Не считая того, что мы знали, что он сидит в тюрьме, я просто не мог себе представить Сережу отдыхающим в Доме творчества – ну не может такого быть. И так мы ходили кругами и приглядывались друг к другу. «По-моему, это Паша Финн», - наконец сказал он. «По-моему, это Сережа Параджанов», - ответил я. Мы были рады встрече, ему очень понравилась моя жена, и он просто приказал нам приехать в Тбилиси. Это был конец апреля - начало мая 1986. С одной стороны, это был Чернобыль, который во многом все повернул в нашей жизни, просто мы тогда этого не осознавали, не придавали этому значения, а с другой стороны, был канун Пасхи. И мы приехали в Тбилиси на Пасху. Остановились у Сережи дома, на Котэ Месхи, 9. Это была фантастика – Тбилиси, пасхальная ночь, подворье святой Варвары, Сионский собор, где у нашей спутницы – девочки – загорелись волосы от прикосновения свечей, которые держал в руках Патриарх...

- И все сопровождалось, наверно, параджановскими придумками, провокациями, фантазиями!

- Абсолютно, да, это было невероятно, незабываемо. Ведь можно сказать, что он извлекал кино из воздуха... Пытаюсь вспомнить, были ли в его доме книги? По-моему, нет... Но он знал все. Восседаая перед нами, как Керуб, демиург, он рассказывал, как хочет снимать лермонтовского Демона – оторваться было невозможно, это был поразительный рассказ! Я сказал ему, что он единственный режиссер, который мог бы взвалить на себя «Слово о полку Игореве». Надо сказать, он согла-

сился... Следующий важный для меня момент, связанный с Грузией (я стараюсь обозначить именно узловые, знаковые эпизоды) – это 1993 год, когда меня пригласили в Тбилиси в качестве члена жюри первого фестиваля «Золотой орел». Председателем жюри был Леван Закареишвили, с которым мы потом подружались. Это был, повторю, 93-й год. Трагедию Сухуми мы переживали как свою личную трагедию. Это было очень значимо для моих отношений с Грузией, потому что все это было мне очень близко. Вернулись мы в Москву, и трагедия случилась в Москве – Белый дом. А пять лет назад мы приехали в Грузию вместе с моим другом Юлием Гусманом и открывали мемориальную доску Тенгиза Абуладзе в честь его 80-летия. Есть и еще одна интересная тема в моих отношениях с Грузией – в моих картинах евреев всегда играют грузины: в картине «Закат» Менделя Крика сыграл великий Рамаз Чхиквадзе, а Шейлока – не менее великий Кахи Кавсадзе.

- Это уже кровная связь получается!

- Да (смеется).

- Поскольку мы встретились с вами на русско-грузинском поэтическом фестивале, я хотела было спросить вас о роли культуры в сохранении духовного единства народов, но, слушая вас, понимаю, что главное – это дружба между конкретными людьми...

- Конечно. Есть связи метафизические и физические. Культура – это вообще метафизическое, необъяснимое, нематериальное явление. Пути перекрещиваются в мировом пространстве, и Пастернак все равно дружит с Яшвили и Табидзе, а Евтушенко и Белла дружат с братьями Чиладзе и так далее, и так далее. Не так давно, два года тому назад, вместе с дочерью Бори Андроникашвили мы выпустили его двухтомник, к которому я имел честь написать предисловие, и в Академии художеств Зураба Церетели был вечер – презентация этой книжки. Собралось очень много грузин и русских, это было необычайно приятно... Мы праздновали выход книги Бори. Так что связи продолжают.

- Вас можно считать, наверно, не просто другом Грузии, а уже и родственником!

- Как-то раз, когда мы пили не первый день, Отар Иоселиани провозгласил меня почетным грузином. Иоселиани вообще считает, что я знаю грузинский язык, только тщательно это скрываю. Увы, я не знаю грузинского, хотя хотел бы знать, потому что звуки грузинской речи меня всегда наполняют каким-то необычайным чувством. Трагедия нынешних дней, которая произошла и происходит... В химии есть такое понятие – «несмешивающиеся жидкости». Таковы же отношения культуры и политики – это «несмешивающиеся жидкости». И хотя культура вынужденно зависит от политики, это все равно совершенно несопадающие явления... Мы живем в силовом поле культуры. К сожалению, силовое поле политики пронизывает его, и поэтому главное, что сейчас должно быть и не прекращаться – это встречи. И этот фестиваль очень важен – мы должны держаться в поле культуры и не впадать в политику.

- А если человек искусства, культуры начинает заниматься политикой, он перестает быть человеком культуры?

- Да-а, вопрос... Я думаю, это зависит от личности каждого человека. Тут нельзя вывести абсолютно точную формулу и дать точный ответ. К сожалению, я вовлечен в некую сферу деятельности, которая абсолютно не моя по сути. Ну вот в то, что в Москве происходило,

во все это противостояние с Михалковым...

- Вот что значит быть драматургом – как сразу вы уловили дальний прицел моего вопроса!

- Ну а как же... Между прочим, одной из причин этого столкновения, кроме многих других, было то, что Михалков изгнал из пределов Союза кинематографистов Конфедерацию Союзов кинематографистов стран СНГ и Балтии, которую возглавляет мой близкий друг Рустам Ибрагимбеков, и потребовал, чтобы из Конфедерации вышел и наш Союз московских кинематографистов, который я возглавлял. Мы отказались. Это послужило причиной полного разрыва. Последнее время я вовлечен в эту борьбу, которая продолжается. Называть ли это политикой? Это не политика.

- Но, увы, и не искусство.

- И не искусство. Это больше всего похоже на взаимоотношения уличных компаний с их подростковым азартом. В этом есть какое-то мальчишество, хотя мы очень далеки от подобного возраста. Причин много, но главная - это вечное противостояние либерализма другим идеям, ведь наша компания, в основном, это все те люди, для которых период Ельцина стал периодом если не свободы (полноценной свободы никогда не было в России), но высвобождения тех стремлений и чувств, которые мы прорывали и в 60-е годы, и всегда, потому что мы никогда не смирились с советской властью. Одни выражали это смело и за это шли в психушки, это были люди «подполья», а мы были люди «застолья» – мы выражали это в том, что мы писали за столом и в стол, в том, что мы делали и что мы отказывались делать. Мы представители культуры, которые не смиряются с последствиями советизма. Это отразилось в том, что происходит в Союзе. Когда-то по поводу пятого съезда кинематографистов создали антимиф, что это был какой-то шабаш. Это неправда, этот съезд тоже был движением либерализма. Но быть так или иначе причастным, вовлеченным в это неизбежное пересечение идей, принципов и интересов – это не значит быть политиком. Политики – это те, кто получает от политики определенную выгоду, и политика для них есть профессия. Этим человек искусства не должен заниматься.

- А вообще эти союзы нужны творческому человеку?

- Это вопрос, на который мы все постоянно ищем ответ. Как вам сказать? Как-то я в составе делегации сценаристов вместе с Рустамом Ибрагимбековым, Ираклием Квирикадзе, Александром Миндадзе был в Америке. Мы приехали по приглашению Гильдии сценаристов Америки. У нее свое здание, свой штат юристов... Мы были в то время, когда сценаристы бастовали, объявили бойкот и в течение года не заключали договоры с продюсерами. И целый год их содержала Гильдия. Можно ли это представить у нас? В идеале любая деятельность связана с необходимостью защищать права, поэтому всякое профессиональное объединение, защищающее наши права, обязательно должно существовать. И был момент, когда мы боролись за то, чтобы создать профсоюз. К сожалению, сейчас российская почва не для профсоюзов. Те профсоюзы, которые сейчас есть, совершенно беспомощны.

- А мне рассказывали, что замечательно действует Гильдия операторов, например...

- Очень хорошая гильдия. Ее когда-то создал и возглавлял мой близкий друг Саша Княжинский, замечательный оператор, который снимал картину «Сталкер»,

а сейчас ее возглавляет Игорь Клебанов. Замечательна Гильдия критиков, она наиболее прогрессивная. И все-таки, да простят меня, это очень бледные подобию подлинных гильдийских образований. А творческий союз как некий клуб, безусловно, тоже может и должен быть. В идеале нужно разделять профсоюзную деятельность и творческую, то есть иметь очень сильный профсоюз, который объединяет всех-всех, причастных к кинематографу, и некий клуб, где люди могли бы разговаривать. Хотя здесь есть некоторое лукавство. Творческие союзы, на идее которых играют все те, кто старается разрушить Союз кинематографистов, были созданы в определенное время с определенной целью. Первым был Союз писателей – полицейский, фискальный надзор за пишущими людьми. Но если отвлечься от этого, то союз людей, занимающихся одним и тем же делом должен быть. Как ПЕН-клуб.

- Слушаю вас и понимаю, что вы соответствуете значению вашей фамилии – «мудрец, провидец, сильный, но не мстительный»...

- Вообще-то, моя полная фамилия не Финн...

- А Финн-Хальфин. Я знаю, это фамилия вашего отца, прозаика и драматурга Константина Финна, но он ее сам и располовинил. Так что вы самый настоящий Павел Финн, и ваша фамилия обязывает. А вообще какова роль имени, семьи, родословной, национального самосознания в становлении человека?

- Могу вам ответить. Мое поколение во многом было вне национального и вне религиозного. Хотите верьте, хотите нет, но я до определенного времени, даже уже учась в школе, вообще не думал о том, что я еврей. При том, что это было страшное время – на моих глазах в ссылку был отправлен Давид Маркиш, и я знал обо всем, что происходило, но с самим собой это не идентифицировал. Более того, ведь не умри Сталин в 1953 году, моя судьба была бы совершенно другой, потому что отец был в списке на высылку по последнему – знаменитому «московскому» делу... Белла Ахмадулина мне рассказывала, что в эти мартовские страшные дни она шла со своей подружкой-еврейкой по улице из школы, и в них бросали камни... Все это прошло мимо меня, я этого не замечал. Камни вообще-то летят до сих пор. Просто теперь я их замечая. Что касается религии, то мы были и не атеисты, и не безбожники, мы были внерелигиозны. Но в некий момент я крестился, почти тридцать лет назад... Это очень интимная вещь, но мой «автопортрет» – это крещеный еврей с мусульманскими четками в руке, я всегда четки перебираю... А то, что происходит с моим народом также терзает мое сердце, как и то, что происходит с грузинским народом.

- Вы переживаете за тех, кого любите... А что играет наиболее значительную роль в творческом становлении человека – опыт или образование?

- Я более двадцати лет преподаю, и скажу вам крамольную вещь. Образование в нашей области не имеет никакого значения. Я, учась во ВГИКе, пять лет веселился, дышал полной грудью... Я учился среди таких людей, которые сейчас все классики – Иоселиани, Тарковский, Шукшин. Близко дружил с Генной Шпаликовым. Вот это и есть образование. Если образование – явление, скорее, качественное, то опыт – явление количественное, он должен накапливаться. Профессия сценариста более поздняя по опыту. Пять лет во ВГИКе мне не дали столько, сколько дала первая художественная картина и первый месяц за монтажным столом. Это опыт,

который потом переходит в подсознание, и ты уже не напрягаешься для того, чтобы что-то сделать. Но в этом есть и другая сторона – опыт может обманывать, поэтому иногда лучше нарушить то, что тебе подсказывает опыт. И хотя драматургия – это архитектурное дело, и сценарий надо выстроить, иногда надо отказываться от абсолютно твердых моделей, законов и нарушать их. С возрастом этих нарушений становится все меньше и меньше. Это печально, и поэтому надо стараться нарушать каноны до последней возможности.

- Кем вы себя ощущаете – сценаристом или литератором?

- Я сценарист. То есть, я литератор, раз объясняюсь через слово и слово, которым я оперирую, есть результат моего воображения. Но разница между сценаристом и писателем прежде всего в идее самовыражения. Самовыражение писателя и поэта – индивидуально, лично, субъективно, а самовыражению сценариста обязательно быть участником самовыражения режиссера. Именно поэтому сценарист – другая профессия. Но я ее люблю.

- А с кем из режиссеров вам было наиболее интересно «самовыражаться»? Мне почему-то кажется, что это Илья Авербах...

- Вы абсолютно правы. Во многом это связано с тем, что мы были очень близкими людьми. В этом году ему исполнилось бы 75 лет, а когда было его семидесятилетие, я опубликовал в журнале «Искусство кино» довольно большое эссе, которое называлось «Записки пессимиста» – о наших отношениях, о том, как я его понимаю. Наша с ним картина «Объяснение в любви» – моя любимая. Это был сценарий, пропущенный через себя... Картина как будто не оригинальна, поскольку это экранизация по мотивам романа Евгения Габриловича «Четыре четверти». Хотя это единственная экранизация, опубликованная отдельной книжкой. Есть и другие работы, которые я очень ценю – это картины, снятые с Семеном Арановичем, Романом Балаганом, Ежи Кавалеровичем. Мне очень дорога картина «Свидетель», которую мы сделали с Валерием Рыбаревым. Я люблю картину, которую привез на этот фестиваль – «Подарок Сталину». В этом фильме все придумано, это чистое воображение, за исключением того, что я сам делал подарок Сталину. Я использовал свой опыт. В 49-м году, когда происходит действие этой картины, я жил в Ереване. Это был год сталинского юбилея. По всей стране шла подготовка, и дети должны были сделать подарки Сталину. Отбирались лучшие подарки по школам, потом по районам и так далее. А я абсолютно бездарен в чем бы то ни было – я не могу ни нарисовать, ни сыграть, ни спеть.

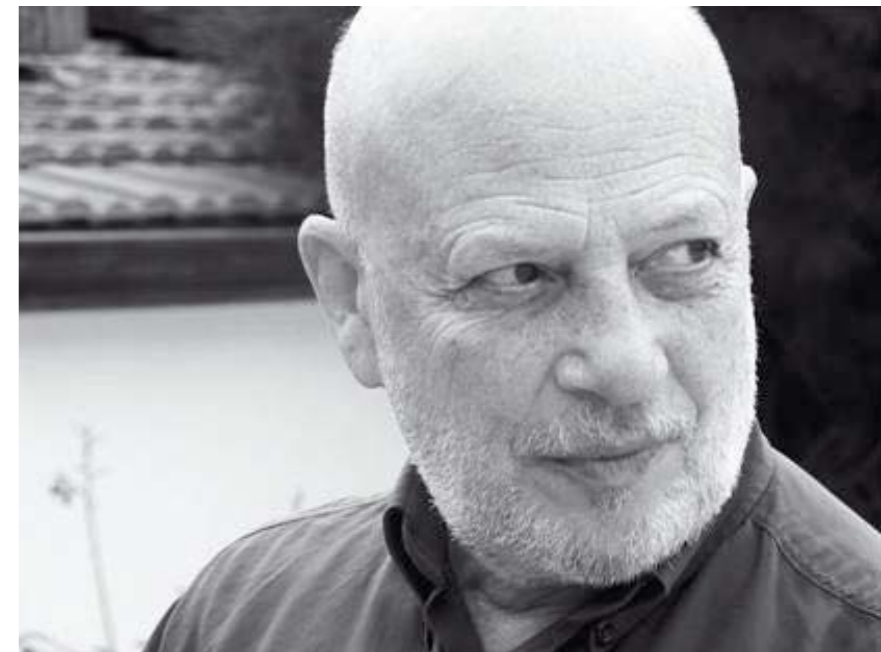
- Только сценарии умеете писать.

- Ну да. Мы тогда жили в гостинице «Севан», а напротив жила семья русского подполковника, и его жена, которая меня очень любила, слепила мне из пластилина зеленого крокодилчика, и я его отнес на комиссию по подаркам, чем комиссия была ошарашена. Тема подарка Сталину и вошла в фильм. Но судьба главного героя – мальчика Сашки – это комбинированный образ того времени, моих впечатлений, моих воспоминаний и моей фантазии. В картине, что важно и дорого для меня, есть идея этнического экуменизма. А благодарность казахской земле, на которой происходит действие этой картины, вообще должна быть очень велика у многих наро-

дов, потому что она приняла столько несчастных... И хотя я противник открытой публицистики, я намеренно бросил некий вызов времени, потому что я не могу спокойно относиться ни к преследованиям грузин в Москве (был такой кошмарный месяц), ни к убийствам таджиков, ни к антисемитизму, который никуда не девался за это время. Так что эта картина во многом для меня личная.

- Скажите, а это не легенда, что вы носили фуражку Берии и китель Сталина?

- А откуда вы знаете? Нет, это не легенда, это чистая



правда. Китель и фуражка были отданы Ираклию Тоидзе, который писал Сталина, чтобы соответствующе одеть натурщика. В мастерской Тоидзе мы с его сыном Сандриком играли в войну, и эти фуражку и китель надевали для игры. И дни, когда хоронили Сталина, я провел как раз на Пушкинской площади, в квартире Тоидзе. Мертвого Сталина не разрешали фотографировать, и позволено было только его писать трем художникам – Тоидзе, Налбандяну и Герасимову. Вот они по ночам, пока гроб стоял в Колонном зале, и писали. А под утро Тоидзе приносил еще сырые эскизы. Это одно из самых ярких моих воспоминаний.

- Сальвадор Дали говорил: «С годами я хорошею». Что происходит с годами с вами?

- О, Дали так себя любил, что мне с ним в этом не сравниться. И он действительно был очень хорош. А я с годами чувствую все больше печали, потому что я становлюсь все больше одинок – друзья один за другим покидают этот мир... Но я не ощущаю своего возраста так, как, наверное, его нужно ощущать. Мне кажется, что внутри себя я такой же, каким был, когда учился во ВГИКе. Я по-прежнему совершаю много глупостей и легкомысленных поступков.

- Значит, каноны продолжают нарушаться, о необходимости чего вы и говорили. Молодость продолжается.

- Ну что ж, надеюсь на это.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ



УЧЕНЫЙ И ГРАЖДАНИН

Незадолго до своего 70-летнего юбилея академик Роин Метревели принял участие в работе конференции на тему «Диалог цивилизаций», которая проходила в Баку под патронатом первой леди Азербайджана Мехрибан Алиевой.

В докладе на форуме Роин Викторович представил свои соображения относительно вызванных процессами глобализации проблем, которые затрагивают судьбы самобытных культур. Особое внимание он уделил противоречиям цивилизаций, историческая основа которых, по его убеждению, имеет не только экономические и социально-политические, но и психологические причины. Эти вопросы занимают его, безусловно, как ученого-историка, непредвзятого наблюдателя за происходящими в мире процессами. Но также и как гражданина и патриота собственной страны. И тут уже ни о каком холодном рассудке не может быть и речи. Потому что все, связанное с судьбами отечества, для академика Метревели – тема глубоко личная и волнующая. Не важно, идет ли речь о прошлом родины, или об ее сегодняшнем дне, когда страна мучительно, путем тяжелых подчас ошибок, ищет место в быстро меняющемся мире. Этим же вопросам посвящен изданный в нынешнем году в Стокгольме на русском языке фундаментальный труд ученого «Кавказская цивилизация в контексте глобализации», вызвавший большой интерес в научных кругах.

Главная тема научных интересов Роина Метревели, ученика выдающегося грузинского историка Шота Месхия, это предания старины глубокой – эпоха великих правителей Грузии Давида Строителя и царицы Тамар. В то же время, Роин Викторович не принадлежал и не принадлежит к типу ученых, органичивающих собственную жизнь исключительно исследовательской работой. Он всегда был и остается чрезвычайно современным, активным, держащим руку на пульсе времени. Огромная трудоспособность, энергия, умение увлечь людей и руководить ими, яркий талант организатора предопределили широкий спектр интересов Роина Метревели, всегда успешно совмещавшего труд ученого с обще-

ственной деятельностью.

Сегодня одно перечисление всех его должностей и обязанностей займет не один абзац, а если подходить к делу скрупулезно, то, пожалуй, и целой страницы не хватит. Как трудно назвать и все реальные и очень важные дела, делающиеся либо под его руководством, либо при его активном участии. Он – академик-секретарь отделения общественных наук АН Грузии. В качестве же председателя Комиссии по изучению исторических источников Президиума Национальной Академии наук Грузии, академик Метревели осуществляет непосредственное руководство работой этой структуры в трех основных направлениях: собственно изучение исторических источников, научные экспедиции и издательская деятельность. О каждом из них можно говорить много. Но недавно в сфере книгоиздания произошло событие, которое одно могло бы оправдать существование этой комиссии, даже если больше ею вообще ничего бы сделано не было. Под эгидой этой академической структуры и под редакцией Роина Метревели на грузинском и русском языках была подготовлена и вышла в свет напечатанная на высоком полиграфическом уровне книга «Картлис цховреба» (История Грузии). Что касается русского варианта, это – первое издание на русском языке важнейшего памятника грузинской истории в столь полном объеме. Отдельные части «Картлис цховреба» публиковались на русском языке в научной периодике, даже, может быть, и издавались. Но возможность полностью ознакомиться с этим трудом на языке Пушкина читатель получает впервые.

Сейчас коллектив работает над английским переводом книги. Издание исторических трудов на иностранных языках здесь вообще считают чрезвычайно важной задачей. А о том, какое значение придается русскому языку, свидетельствует факт создания секции русских переводов грузинских исторических источников.

- Такой подход кажется нам абсолютно правильным, поскольку история той или иной страны, того или иного народа не является только его историей. Учитывая взаимозависимость исторических процессов, важно, чтобы о том, что происходило когда-то на грузинской земле, могли узнавать и в других странах». - сказала ученый секретарь комиссии по изучению исторических источников Медея Абашидзе.

Что же касается конкретно русского языка, здесь даже разработаны стандарты перевода исторических текстов с грузинского языка на русский, которые позволяют избежать разночтений. Внимание к русскому здесь объясняют, во-первых, тем, что это – один из языков международного общения, на котором говорят в большинстве стран –соседей. А во-вторых, нельзя не учитывать взаимовлияние историй двух стран. Не случайно перу Роина Метревели принадлежат такие книги, как «Давид Строитель и Петр Первый», «Россия и Грузия на пороге нового тысячелетия», монография, посвященная видному российскому ученому-картвелологу Михаилу Сабенину.

Вообще Роин Метревели является автором десятков книг и сотен научных статей, изданных на многих языках мира, учебников, главным редактором и членом редколлегии авторитетных научных изданий, обладателем многих премий и наград как отечественных, так и зарубежных. Но об этом речь пойдет потом, когда настанет время перечислять заслуги. Сегодня же Роин Викторович полон сил и очень нужен своей стране и народу.

Поздравляя выдающегося ученого и общественного деятеля Роина Метревели с 70-летием, коллектив журнала «Русский клуб» желает ему крепкого здоровья, долгих лет жизни и новых успехов.

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ

С ЛЮБОВЬЮ К КАВКАЗУ



Посол Польши в Грузии Уршула Доросшевская

Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом Польши в Грузии Уршулой Доросшевской

- *Каковы приоритеты в грузино-польских отношениях?*

- Вы знаете, что у нас с Грузией очень хорошие дружеские отношения, и мы бы хотели еще больше их развивать. Мы поддерживаем стремление Грузии интегрироваться в Евросоюз и НАТО. Это сложный спектр вопросов – от экономики до политики регионального развития. Конечно, вместе с тем нас связывает и характерное для двусторонних отношений культурное сотрудничество, которое интенсивно развивается.

- *Высок ли интерес к польской культуре в Грузии?*

- В Грузии замечательная публика, здесь люди привыкли участвовать в культурной жизни страны, также как и в Украине, что само по себе хорошо. Недавно в рамках фестиваля Арт-зона прошел ряд культурных мероприятий – спектакли, выставки... Приезжал замечательный театр авангарда, популярный с 70-х годов «Театр 8-го дня». Он показал спектакль «Арка» о войне, о том как на фоне спокойной жизни появляются танки и люди бегут от войны...

Интерес к польской культуре в Грузии, конечно, высок. Мы со своей стороны представили хорошие спектакли. Я рада, что у местной публики была возможность оценить мастерство польских артистов. В будущем году мы также планируем подготовить культурную программу.

- *Как Вы восприняли предложение приехать в Грузию на работу?*

- Счастлива, что работаю в Грузии. Не раз сюда приезжала в 90-х годах, когда здесь было очень тяжело. Я писала о Грузии для серьезных журналов, а тогда информации о вашей стране было мало. Могу сказать, что я уже тогда была другом Грузии. Мой первый визит состоялся в 1992 году, и потом я часто приезжала вплоть до 96-го. Одновременно стала специалистом по Кавказу. Польша только обрела независимость, распался СССР, и еще не было специалистов, которые могли бы разъяснить происходящие события. Благодаря моим поездкам в Грузию, Азербайджан, Украину я хорошо изучила ситуацию. А так как перемены происходили очень быстро, мне как гражданке Польши все это было понятно и легче объяснить. Позже я работала в НПО руководителем образовательных программ в Украине и на Кавказе. Было очень интересно, и это дало мне возможность вникнуть в проблемы общества. Словом, мне очень хотелось работать в Грузии, так как я люблю эту страну.

- *Одно время Вы работали в Администрации президента Польши...*

- В качестве эксперта я работала заместителем директора отдела по иностранным делам Администрации президента. Это довольно важный пост, я занималась подготовкой визитов президента в Грузию и визитов президента вашей страны в Польшу.

- *Вы в совершенстве владеете русским языком. Где Вы его изучали?*

- В Польше было обязательным изучение русского



языка в школе с пятого класса, что не очень хорошо, тем более, когда детей учат языку в принудительном порядке, а знание языка не имело практического значения для большинства населения. Мой дедушка Витольд Дорошевский – языковед-славист, профессор, член Академии наук, составитель большого 12-томного словаря польского языка, – ездил в разные страны. Он посещал Югославию, в СССР часто бывал в Москве и Киеве, т.к. был крупным специалистом и украинского языка. У него был большой круг друзей, и все они знали славянские языки. У нас всегда было много гостей, дедушка был общительным человеком и в доме говорили и пели на нескольких языках. Я с детства знала украинский язык и особенно любила украинские песни. Дедушка пел и русские песни. Так что с детства у меня было общение с культурами славянских народов, поэтому мне было легче изучать русский язык.

- Неудивительно, что приезжая в Украину, Вы очаровали украинцев. В каких областях страны Вы работали?

- В основном в Крыму, но не только. Мне было интересно работать в Восточной Украине. Мы занимались программами образования на родных языках, языках национальных меньшинств, а также сотрудничеством с городским самоуправлением.

- Когда Вы стали профессиональным журналистом?

- Это тоже длинная и интересная история. Я была деятелем антикоммунистической оппозиции. Окончила социологический институт в Польше, тогда социология у нас была на очень высоком уровне. Это было в первой половине 70-х и в Польше уже было сильное диссидентское движение, в котором я участвовала студенткой.

- Это период деятельности «Солидарности»?

- Нет, раньше. Это был, так сказать, подготовительный период «Солидарности». Я с мужем участвовала в этом процессе. Мы выпускали подпольные журналы. Я научилась писать ясно и коротко, т.к. если мы уж рискуем и пишем, а люди рискуют и читают, то это должно было быть доступно всем – представителям интеллигенции и людям без образования. На мой взгляд, это было лучшей школой журналистики. Позднее, когда началось рабочее движение, во время «Солидарности», я выпускала ежедневную газету, которая сразу же развозилась по заводам. Мы описывали основные события, и я писала лаконично. Во время военного положения многих деятелей «Солидарности» арестовали, и я два года скрывалась вместе с супругом, но мы по-прежнему выпускали подпольные журналы. Потом я работала в католическом журнале, а позже стала с интересом изучать ситуацию на постсоветском пространстве.

- Чтобы Вы посоветовали журналистам этих стран?

- Проверять информацию и писать лаконично.

- С какими чувствами Вы встречаете 11 ноября

- День независимости Польши?

- Я счастлива, что живу в независимой стране. В своей официальной речи ко Дню независимости провожу параллель между Грузией и Польшей. Обе страны обрели независимость одновременно в 1918 году. После Первой мировой войны, на развалинах империй, возрождались новые страны. Грузия не смогла победить в борьбе с большевиками, и в 1921 году потеряла независимость, нам удалось выстоять, и в течение двадцати лет, до начала Второй мировой, мы жили в нормальной стране, получали образование, подготавливали кадры, развивали промышленность... Хорошо, что сейчас, живя в независимых государствах, мы можем сотрудничать

друг с другом. История наших стран похожа.

- Много ли поляков проживает в Грузии?

- Я встречаю много людей с польскими корнями. По всей Грузии действует несколько польских организаций. Поляки живут и в регионах. В Грузию поляки приезжали в основном в XIX веке, и это были специалисты высшего ранга. Сюда ссылали участников польских восстаний. Среди них были разжалованные офицеры. Спустя десять лет им возвращали звания, но они не могли вернуться на родину. Практически большинство гибло на войне или от болезней. Это были трагические судьбы и среди них много талантливых поэтов, художников.

Хотелось бы отметить, что здесь жил один из основоположников Тбилисской Академии художеств Генрих Гриневский, расстрелянный в 37-ом. Скоро мы откроем мемориальную доску на здании академии и аудитории, названную его именем. Он был также автором фресок церкви Кашвети. Долгое время он был забыт, но сейчас мы хотим отдать дань его памяти.

Я хотела бы вернуться еще к одному историческому событию. До Второй мировой войны Польша была одним из центров эмиграции, в том числе и грузинской. У нас жили офицеры, покинувшие родину в 1921 году. По контракту они служили в Польше, но польского гражданства не приняли, сохранив грузинское. Генерал Валериан Тевзадзе в 39-ом руководил защитой одного из кварталов Варшавы.

В Польшу приезжали украинские и русские эмигранты. Печатались журналы, книги на русском языке, что способствовало двусторонним контактам, когда они еще были возможны. В Варшаве жили видные деятели русской культуры Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус. Приезжали священники, бежавшие из России.

На недавно прошедшей в Грузии конференции, посвященной святому Григорию Перадзе, историк из России мне рассказал, что в польском университете училось много православных священников. Тогда теологию преподавали в рамках университетского курса, и когда началась Вторая мировая война, и Советский Союз занял восточную часть Польши, священники вернулись в СССР. И они повлияли на уровень образования священников в Советском Союзе. Мы будем исследовать эти сведения и в будущем опубликовать их.

- Что Вы пожелаете в канун Нового года читателям «Русского клуба»?

- Кавказ – это всегда интересно. Люди, живущие в этом регионе отмечают, что на Кавказе самое главное – мир. Думаю, ничего лучшего я пожелать не могу, как посыл дружественной страны Польши и как женщина, переживающая, когда неспокойно. Хочу всем пожелать мира!

- Спасибо большое!

В Грузии с 1999 года выходит журнал «Кавказская Полония». Сейчас готовится к выпуску предновогодний номер. Заместителем редактора является Эка Элиава, а редактор журнала – Малгожата Павлак живет в Варшаве, так что связь с Польшей прямая. Журнал рассказывает о жизни грузинской Полонии, о польско-грузинских контактах, знакомит с деятельностью великих сынов польского народа. Факты свидетельствуют о взаимном интересе поляков и грузин, о добрых отношениях двух народов, насчитывающих не одно столетие. Отдельная рубрика – о судьбах поляков на Кавказе, оставивших здесь значительный след в самых разных сферах. Рубрика «Хроника нашей жизни» повествует о польской школе имени Св. королевы Ядвиги в Тбилиси, о заняти-

ях и отдыхе ее учеников, о том, как поляки Грузии отмечают польские национальные и религиозные праздники. Немало страниц журнала посвящено общине «Полония-Азербайджан», которая, не имея собственного печатного издания, присылает в редакцию материалы о поляках в Азербайджане.

Мы заинтересовались польскими корнями Эки Элиава, которая одновременно является редактором газеты «Аргументы и факты – Тбилиси».

«Знаете, в Грузии нередко можно услышать: «Моя бабушка была полькой»... Так вот у меня поляки и бабушка – со стороны отца, и дедушка – со стороны матери. Мой дед Ушанги (Симон) Элиава будучи в начале прошлого века в ссылке в Вятской губернии России познакомился с семьей ссыльных поляков. Образованный, интересный грузинский дворянин привлек внимание дочери Константина Левданского – юной Марии, которая, несмотря на опасения родных перед неизвестной Грузией, решительно покинула отчий дом. Как рассказывала бабушка, она «буквально сбежала» в Грузию, которая стала для нее родной», – вспоминает Эка Элиава.

В Тифлисе Мария изучила грузинский язык и окончила фельдшерские курсы. Но наступил февраль 21-го года. Ушанги Элиава, член меньшевистского правительства Ноэ Жордания, сначала был сослан в Иркутскую область, затем последовала серия арестов и ссылок, а в 37-м году он был расстрелян НКВД без суда и следствия, как тогда было принято. На несколько месяцев был арестован и студент Серго Элиава (отец Эки). Его обвинили в связи с Германией на том основании, что в детстве его гувернанткой была немка... А Мария Левданская прожила до 90 лет и всю жизнь проработала в железнодорожной больнице.

«Дед по материнской линии – полковник Иоанн Честнович был незаурядным человеком. Он знал до десяти языков, в круг его интересов входили математика и литература, музыка и история, он неплохо рисовал и занимался рисованием с дочерью Маргаритой, моей мамой», – говорит Эка Элиава.

Иоанн Честнович происходил из семьи польских шляхтичей, потомственных военных. Его отца, офицера польской армии Григория Честновича, судьба забросила на Кавказ в XIX веке. У Иоанна Честновича и его жены Елены не сразу все сложилось счастливо. Елену, в двухлетнем возрасте оставшуюся без родителей, очень баловали старшие братья и сестры. Воспитывалась она в доме своей сестры Магдалины Осецкой, муж которой Владимир Осецкий служил в канцелярии заместителя на Кавказе графа Воронцова-Дашкова. И родня рассудила, что небогатый офицер – не лучшая партия для Елены. Шли годы. Иоанн женился, затем овдовел и остался с тремя детьми. И судьба снова свела Елену и Иоанна, видно, на то была воля Божья!

В семейном архиве сохранились фотографии, письма и другие документы, по которым прослеживаются отдельные этапы жизни Иоанна Честновича. Он принимал участие в военных походах русско-турецкой кампании, был участником обороны Порт-Артура во время русско-японской войны 1904-1905 гг., сражался на территории Польши в годы Первой мировой войны, откуда был отозван и назначен начальником школы прапорщиков в Телави. Именно любовь молодых офицеров и солдат спасла ему жизнь в 21-м году, когда в Грузию вошла XI Красная армия, и Честнович был арестован: служившие с ним офицеры горой встали за своего полковника. Через сутки большевики освободили Иоанна Честновича, но так и не вернули конфискованные при аресте многочисленные ордена и награжденные оружие.

В августе 1980 года Эка с сестрой посетили историческую родину.

«Это невероятно, но мы с сестрой, можно сказать,

«успели»: уже через несколько дней Польша была закрыта для туристов. Мы побывали в Кракове, Величке, Варшаве, Вроцлаве, Еленя Гуре... В программу, составленную нашими друзьями, входили также Сопот и Гданьск. Но попасть на север страны не удалось... Начинались дни, которые вошли в историю страны, как забастовка Гданьской верфи. Вся Польша с напряжением следила за ходом переговоров между оппозицией и правительством. И хотя мы с сестрой недостаточно владели польским, все было понятно без слов – столь высок был накал страстей, так выразительны были лица людей, отстаивающих свое право на свободу. Тот, кто



Эка Элиава



знает историю Польшу, поймет, что значили эти дни для каждого поляка. И что слово «солидарность» было не просто призывом к единству, это был символ будущего страны, судьба которой решалась в те дни в Гданьске», – вспоминает Эка.

Удастся ли молодым сохранять традиции? «Удастся при условии, что сам человек хочет почерпнуть из этого кладезя. Задача польской школы состоит не только в том, чтобы обучать детей польскому языку и давать им основные знания о Польше, но и прививать им уважение к родине предков, интерес к ее культуре и традициям», – отмечает Эка Элиава.

Благодаря помощи, которую оказывают организации Польши – общество «Вспульнота Польска», Фонд помощи полякам на Востоке, а также Канцелярия президента Польши и посольство Польши в Грузии, ученики школы могут проводить в Польше каникулы, а учителя – приобретать знания на курсах и стипендиальных программах. Более 30 выпускников польской школы, в том числе и сын Эки Элиава, получили высшее образование на исторической родине. Можно без преувеличения сказать, что многим из этих ребят польская школа дала путевку в жизнь.

Миранда ОГАНЕЗОВА



«ДИЭЛО»: С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ

Сказать, что ансамбль «Диэло» на нашей эстраде стоит особняком, может быть, и не совсем точно. Но нельзя не заметить, что он все-таки выделялся и выделяется среди других коллективов и прошлых лет, и нынешних. Яркая индивидуальность была отличительной чертой «Диэло» с самого первого его выступления, которое состоялось ни много ни мало почти полвека назад. Впрочем когда именно ансамбль впервые предстал перед публикой, сейчас затрудняются сказать и сами его участники.



«Диэло» сегодня

- На эстраду или, как теперь говорят, в шоу-бизнес, - с улыбкой вспоминает руководитель «Диэло» Амиран Эбралидзе, - я пришел году в 1957-м. И уже тогда у меня появилось желание собрать свою группу, в которой я мог бы реализовать собственные замыслы. В те годы в Грузии большой популярностью пользовались мужские трио. Такой, в общем традиционный для национальной музыкальной культуры состав и сегодня не потерял своей актуальности. И никогда не потеряет. Потому что грузинские народные или городские песни, разложенные на три голоса, звучат очень красиво. Особый шарм отличает и исполнение трехголосием негрузинских песен. Но мне было интересно попробовать совместить грузинское полифоническое пение, явление, несомненно, уникальное, не имеющее аналогов в мире, с джазовым звучанием, которое меня тогда очень увлекало, да и теперь не оставляет равнодушным. Оптимальным для этого мне казался квартет, поскольку в таком составе возможности открываются воистину безграничные. Можно добиться очень насыщенного звука, почти такого же, как при работе с хором. Теперь я убежден, что не ошибался - ансамбль «Диэло» за долгие годы доказал мою правоту. Тогда же я долго вынашивал эту идею,

советовался с коллегами, мы встречались, обсуждали, спорили, репетировали, что называется, притирались друг к другу. Постепенно сложилась группа из четырех человек, в которой все пели и неплохо владели каким-нибудь одним, а то и несколькими музыкальными инструментами.

Первый состав выглядел следующим образом: Амиран Эбралидзе (труба, гитара), Сосо Эбралидзе (гитара), Георгий Леонидзе (контрабас) и Вахтанг (Буба) Кикабидзе, который тогда был уже известен и как певец, и как неплохой исполнитель на ударных инструментах. Все музыканты к тому времени имели определенный опыт работы на сцене и, что особенно важно, были открыты для новых идей, которых в «Диэло» хватало.

Прежде всего благодаря Амирану Эбралидзе, создателю коллектива и его бессменному руководителю, который и сегодня остается душой ансамбля. Выпускник Тбилисской консерватории, мультиинструменталист, композитор, оранжировщик Амиран Эбралидзе - музыкант от Бога. Музыка в его жизни - и смысл, и цель, и главное содержание. Именно это обстоятельство в совокупности с безукоризненным вкусом и огромной музыкальной и общей культурой предопределило в нем многое, в частности и, может быть, в особенности полную неспособность на компромиссы во всем, что связано с творчеством. Именно в силу этих качеств руководителя ансамбль «Диэло» с самого же начала пошел непростым путем, на котором категорически исключалось все, что идет вразрез с позицией и принципами коллектива, несмотря ни на какие соблазны. Твердую репутацию тут всегда ценили выше широкой популярности.

Впрочем и популярности, более того - громкой славы, «Диэло» было не занимать. Сегодня действительно никто не может вспомнить, когда этот ансамбль впервые вышел на сцену. Но он как-то сразу же привлек к себе внимание. Молодых музыкантов стали приглашать для участия в концертах, записывать на радио и телевидении, им начали предлагать свои произведения популярные композиторы и поэты. Ребята работали не покладая рук и не замечали, что песни из их репертуара давно насвистывают и напевают на улицах. А когда в 1962 году в старом еще здании Театра музыкальной комедии состоялся первый сольный концерт «Диэло», для музыкантов стало полной неожиданностью, что все билеты на него оказались распроданными сразу же, как только поступили в кассу. А во время их выступления у входа в театр была такая давка, что пришлось вызывать наряд конной милиции.

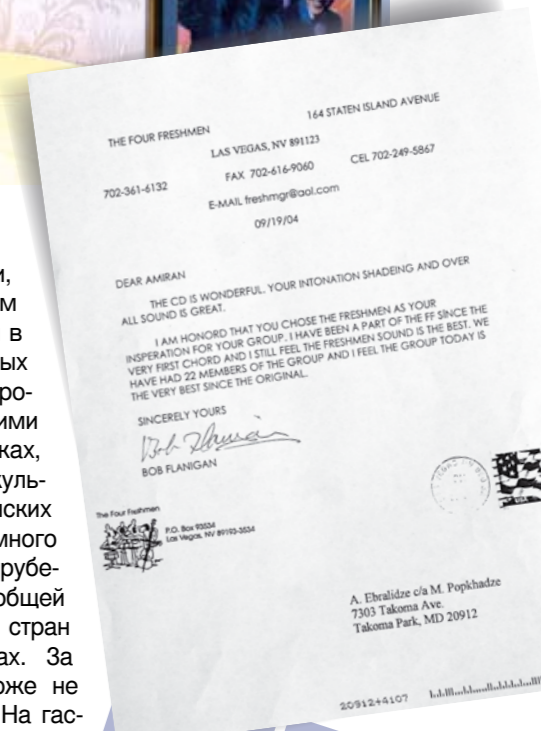
- Название «Диэло», - продолжает руководитель ансамбля, - нам придумал Картлос Касрадзе, за что мы были ему искренне благодарны и всегда называли нашим крестным отцом. Я и сегодня думаю, что это очень удачное название, хотя справедливости ради должен сказать, что мне нравятся названия и некоторых других грузинских эстрадных коллективов, популярных в те годы - «Орэра», «Рэро»... Но «Диэло» лично мне все-таки ближе. Под этим, скажем так, брендом прошла значительная часть моей жизни и жизни моих друзей. И дело не только в том, что мы чувствовали искреннюю любовь слушателей, хотя и это, чего уж там скрывать, немаловажный фактор. Не верьте артистам, которые говорят, что им безразлична популярность. Стремление нравиться зрителю, слушателю - это неотъемлемая составляющая профессии. Если она отсутствует, артиста нет. Но дело, повторяю, далеко не только в этом. А в

первую, может быть, очередь в том, что в этом коллективе я и, надеюсь, мои друзья и единомышленники, делали то, что умели и по-настоящему хотели делать. Ощущение возможности творческой самореализации - это, по-моему, огромное счастье.

После первого концерта молодые артисты не то чтобы проснулись знаменитыми, как бывает в романах. У них случилось даже интереснее. На первом концерте они увидели и осознали, что знамениты уже давно. Тогда как-то не практиковались подобные определения, но с сегодняшних позиций участники ансамбля «Диэло» было суперзвездами. И не только в Грузии, но и очень далеко за ее пределами. Они не один и не два раза объездили вдоль и поперек огромную территорию Советского Союза, начиная с южных окраин республик Средней Азии и заканчивая самыми северными областями Рос-



сийской Федерации, далеко за полярным кругом. Выступали и в огромных концертных залах столичных городов, и перед рабочими на заводах и фабриках, в районных домах культуры, клубах, в воинских частях. Ансамбль много гастролировал за рубежом, объездив в общей сложности более 60 стран на всех континентах. За границей, кстати, тоже не все бывало гладко. На гас-



троли приходилось ездить не только в благополучную Европу, хотя и туда тоже. Но наряду с этим «Диэло» шесть раз побывал в странах Африки. Выступал и в государствах Юго-Восточной Азии, а там в те годы бывало очень неспокойно. Всякое в этих поездках случалось. Но всегда и везде музыканты из Грузии имели успех и отличную прессу.

«Диэло» выпустил в свет девять долгоиграющих пластинок, принимал участие в телевизионных и радио-передачах во многих странах, записал музыку к нескольким кинофильмам, участники ансамбля и сами снялись в ряде кинолент как актеры и музыканты.

В 1972 году коллектив стал лауреатом четвертого Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Примерно в это же время в ансамбль пришел Гия Чиракадзе, который остается его верным членом.

- Приход Гии был большим приобретением для «Диэло», - признается Амиран Эбралидзе. - Вообще даже очень хорошие артисты далеко не всегда вписывались в ту концепцию, в соответствии с которой работал ансамбль. Нам приходилось сталкиваться с подобными случаями. Бывало, что замечательный певец, который прекрасно работает соло либо в другом составе, не садился в контекст нашего квартета. С Гией все было в точности до наоборот. Он сразу пришелся ко двору. У него необыкновенно красивого тембра голос, которым он мастерски владеет, а его известные способности концерансье мы использовали нещадно. Гия интересная, глубокая личность, и, что не менее важно, он - очень надежный человек, настоящий друг. У нас бывали и непростые времена. В один из таких периодов, когда вопрос стоял о том, быть ли вообще коллективу, Гия очень просто, без всякого пафоса сказал мне: «Знаешь, Ами-

ран, если для тебя это нужно и важно, я буду рядом с тобой». Это я очень ценю и никогда не забуду.

С годами менялся состав ансамбля, происходили какие-то изменения в его репертуаре. Артисты стали уделять больше внимания музыке народов мира и, в частности, народов СССР, прежде всего русским песням.

- Мы исполняли песни многих российских композиторов, - говорит руководитель, - Василия Соловьева-Седого, Андрея Петрова, Александра Аверкина, Максима Дунаевского... Всех и не перечислишь. Часто они сами приносили нам свои новые произведения. Мы вводили их в репертуар вовсе не только для того, чтобы предстать перед слушателями в российских городах на их родном языке. Хотя и в этом я не вижу ничего плохого. Но прежде всего потому, что русская музыка, песни были нам по-настоящему близки. Мне кажется неправильным, что русская культура, русская речь сегодня вытесняются из нашего обихода. И работу Союза «Русский клуб», как и издаваемого им одноименного журнала, направленную на сохранение духовных, культурных, человеческих связей между нашими народами, я считаю важной и нужной. Кстати, песни русских композиторов мы поем и сегодня, и не собираемся отказываться от них.

Несмотря на все перемены, творческие принципы, на которых работает ансамбль, остались неизменными. Пару недель назад ансамбль в своем нынешнем составе предстал в музыкальной передаче одного из грузинских телеканалов и продемонстрировал, что «Диэло» - по-прежнему новость, которая всегда нова. Академизм в лучшем смысле этого слова, отточенный стиль, широта диапазона, глубина звучания не могут не быть современными во все времена. Ну а кроме того, артисты фантастически красивы. Давно не приходилось видеть на сцене, что в наших палестинах и за их пределами мужчин, умеющих так носить пиджаки.

Сегодняшний состав ансамбля руководитель считает наиболее оптимальным из всех, какие когда-либо были. Это Амиран Эбралидзе, Гия Чиракадзе, Гиви Габуня, Заза Мгебришвили. Полноправным членом коллектива является прекрасный джазовый пианист Дато Мазанашвили, участник, в частности, Тбилисского джаз-фестиваля. Вместе артисты представляют собой единый организм, создающий очень хорошую музыку. И очень хочется верить, что впереди у них новые удачи.

Недавно на имя руководителя «Диэло» пришло письмо от руководителя легендарной группы The Four Freshmen, творчество которой в определенной степени было ориентиром для ансамбля с момента его возникновения и остается таковым и сегодня. «Дорогой

Амиран, - говорится в послании. - Ваш диск замечательный. Фразировка, интонации и общее звучание прекрасны. Я горжусь тем, что в свое время для музыкального вдохновения вы выбрали нашу группу. С уважением, Боб Фланиган».

Дэви БЕРДЗЕНИШВИЛИ



Гиви Бараташвили

Я всегда знала, что Гиви Бидзинович Бараташвили - человек жизнерадостный, нестареющий и наделенный чувством юмора. Но когда сейчас, накануне юбилея, он вышел мне навстречу, чтобы проводить в свою квартиру, я вновь восхитилась почти юношеской легкой походкой, подивилась его молодости и подтянутости. И засомневалась: «Неужели 80?» Но Гиви Бидзинович развеял мои сомнения.

МАЛЬЧИК ВЕРИЙСКОГО КВАРТАЛА

- Я типичный тбилисец, вырос на Вере - в изумительном, надо сказать, районе! Еще помню фазтоны. Помню, как мы катались на них, уцепившись сзади. А мацончики? О, этот неповторимый вкус мацони и масла! Сохранилось в памяти, как хоронили старых тбилисцев - это был целый ритуал! Играл оркестр... Да, Тбилиси был маленьким и совершенно фантастическим городом. Я его очень любил... и в то же время был самым тесным образом связан с Россией, Москвой. Я в детстве много болел и нередко пропускал занятия в школе, зато часто ездил в Москву. Летал в первопрестольную на американских военных самолетах серии «Дуглас». Так что Тбилиси и Москва - два моих любимых города, хотя я и побывал во многих точках мира. К примеру, неоднократно посещал Париж. После окончания факультета журналистики МГУ я поступил в Институт мировой литературы имени М. Горького, на искусствоведческий факультет. В моем близком окружении были известные литераторы, писатели, среди них - Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Вадим Кожинов, Андрей Синявский, академик Щербина, Светлана Аллилуева. С этим периодом у меня связаны самые прекрасные воспоминания... Позднее я работал в Московском драматическом театре имени Пушкина заведующим литературной частью, будучи еще совсем юным: худрук театра Иосиф Туманов был другом моей матери и доверил мне эту должность. Позднее работал в Книжной

ЭПИКУРЕЕЦ

палате, затем - корреспондентом газеты «Известия». Поступил в аспирантуру.

Я не собирался уезжать из Москвы, но обстоятельства вернули меня на родину. В Тбилиси попал на киностудию «Грузия-фильм». Был редактором, главным редактором Комитета кинематографии Грузии. Потом несколько лет проработал в Центральном комитете Компартии Грузии заведующим сектора культуры. Оттуда перешел на должность секретаря Союза кинематографистов. Но пробыл там недолго - два года... Позднее стал одним из руководителей Общества охраны памятников Грузии. Это была замечательная организация, мы много ездили, строили, реставрировали памятники по всей республике. В системе охраны памятников, возглавляемой академиком Ираклием Цицишвили, работали замечательные люди, настоящие профессионалы своего дела. В те годы я познакомился и подружился с нашим патриархом - Святейшим и Блаженнейшим Илией II. Без него многие вопросы, связанные с деятельностью нашего общества, было бы невозможно решать... Это был период с 1985 по 1990 годы. А потом я пришел в театр имени Грибоедова и проработал здесь директором целых 15 лет. Вместе с Николаем Свентицким создали Центр российской культуры в Грузии.

ТЕАТР - СЛОЖНЫЙ ОРГАНИЗМ

Я всегда находил общий язык с людьми. На меня никогда не жаловались подчиненные, ни разу у меня не возникло каких-нибудь серьезных разногласий с теми, с кем я работал, кем руководил. Хотя, не скрою, как директор иногда допускал ошибки и не всегда был собой доволен. Но, тем не менее, отношения с коллективом у меня сложились замечательные, я бы сказал, нетрадиционные - это мои друзья, товарищи. Я их всех обожаю и обожаю, они часто приходили ко мне и часами делились своими проблемами, горестями и радостями.

А театральная среда мне всегда была близка. Я старше танцовщика и хореографа Михаила Лавровского, моего двоюродного брата, на двенадцать лет и принимал участие в его воспитании. Вся моя жизнь, так или иначе, связана с Большим театром - ведь отец Миши, Леонид Лавровский, был главным балетмейстером Большого, мать, Елена Чикваидзе, - известной балериной. И практически вся культурная элита состояла из моих друзей. Я посещал все спектакли, был своим человеком за кулисами. И по сей день, когда многое вокруг изменилось, наши отношения с Мишей остаются неизменными. Лавровский - глубоко верующий человек, он посещал церковь и тогда, когда многие боялись даже приближаться к храму. Сегодня большинство людей ходит в церковь, но, по-моему, чаще всего «для фасона».

Когда Миша звонит мне, то пытается говорить по-грузински, он очень любит мою жену Лику.

А в театре имени Грибоедова я работал в очень тяжелый для него период - в финансовом отношении, прежде всего, не выплачивалась даже зарплата. И, тем



не менее, мы очень красиво и дружно жили. Сохранить хорошие отношения с коллективом в такие времена было особенно важно. Да у меня и с худруками складывались нормальные отношения – им самим было очень трудно заниматься театром в таких обстоятельствах. Сейчас, конечно, в театре ситуация совершенно другая. Я считаю, что тандем художественного руководителя Автандила Варсимашвили и директора Николая Свентицкого очень плодотворен и нужен этому театру. Свентицкий – потрясающий менеджер. Такого менеджера днем с огнем не сыщешь не только здесь, но и в Москве... Искренне рад, что Николай получил Орден Дружбы и звание заслуженного деятеля искусств России – это действительно прекрасно и заслуженно. Ведь Свентицкий по-настоящему любит театр и хорошо его знает, и он прекрасный руководитель. А Авто, безусловно, – лидер в области грузинской режиссуры. Я видел многие его спектакли, поставленные не только в театре имени Грибоедова. По-моему, сегодня театр Грибоедова переживает ренессанс. Мне нравится и Андро Енукидзе – талантливый режиссер, с колоссальной эрудицией, вкусом, рафинированный интеллигент. Это удачное при-

обретение для театра. Прекрасная его работа – спектакль «Достоевский. ru», Так что Грибоедовский в хороших руках – это Николай Свентицкий и замечательные режиссеры. И я горжусь тем, что столько лет был директором этого театра.

Самые сильные мои театральные



Арчил, Бидзина и Гиви Бараташвили. 70-е гг.



Гиви Бараташвили и Миша Лавровский. 40-е гг.

впечатления последнего времени – «Мастер и Маргарита» и «Достоевский. ru».

- Как вы оцениваете успехи вашего сына Арчила на грибоедовской сцене?

- Очень впечатляющие успехи. Рад за него... Думаю, Арчил не ошибся в выборе актерской профессии. Но я никогда не выражаю бешеные восторги. Это же касается и моего старшего сына Бидзины, председателя совета директоров «Имеди ТВ». Хотя я, конечно, горжусь ими...

ОТЕЦ

- У вас есть еще немало, кем и чем гордиться. Фамилия Бараташвили – одна из самых известных в Грузии. Знаменитым адвокатом был ваш отец – Бидзина Бараташвили. Он ведь вошел в десятку лучших адвокатов Грузии всех времен.

- Он был энциклопедически образованным человеком, блестяще знал философию, литературу, был замечательным оратором. Я всегда был с отцом на «вы», как и моя мать. Он никогда не был членом партии, всегда оставался в оппозиции к режиму. Мое вступление в партию стало для отца и его товарищей, тоже оппозиционно настроенных, большим ударом. Он этого так и не смог мне простить. У отца была трудная жизнь. Его преследовали, выгоняли с работы, все его братья, родные и двоюродные, были репрессированы... Так что мое детство прошло в атмосфере неприятия всего советского, у нас собирались друзья отца, ругали советскую власть и ненавидели сталинизм. И вдруг я стал партийным работником... Для меня это тоже был непростой момент, ведь отец считал, что мой шаг ничем не может быть оправдан. Если бы он дожил до наших времен, то был бы самым счастливым человеком. Потому что не сомневался: большевистский режим вечен и незыблем.

- А вы как думали?

- Как я мог представить, что Советский Союз развалится как карточный домик? Что касается моей партийности, то я ведь получил возможность что-то сделать для нашей интеллигенции. И сделал действительно много полезного. К политике я сам не имел никакого отношения. И был совершенно свободен – приходил на службу тогда, когда хотел, и уходил тогда, когда мне было нужно. Мне это, как ни странно, прощалось. Сегодня я благодарен Коле Свентицкому и Авто Варсимашвили за то, что не теряю связи с театром Грибоедова. Продолжаю сотрудничать с ним, и это дает мне стимул.

- Как вы относитесь к новым временам?

- Жизнь течет, меняется, и это вполне естественно. В старых временах для меня существовало много вещей неприемлемых, да и сегодняшний день не вызывает особых восторгов. Нынче происходит много хорошего, интересного... но, как ни странно, ренессанс в литературе и искусстве имел место в минувшую эпоху. Вот такого взрыва сегодня я что-то не вижу. За редким исключением. Может быть, еще слишком мало времени прошло. Правда, вижу какие-то попытки изменить нашу жизнь со стороны властей. Тбилиси стал другим, по городу приятно пройти. Лучше стали дороги. Культуре уделяется внимание. Изменилась ситуация в театрах, повысились зарплаты... но ситуация в стране остается сложной, особенно после августовской войны прошлого года. Однако я не вижу в оппозиции сил, которые могли бы что-то изменить в лучшую сторону. Среди них есть очень интересные люди, но нет тех, кто обладает реальной силой. Думаю, действующей администрации нужно дать возможность спокойно поработать до 2013 года, до новых выборов.

- А как вы относитесь к тому, что российско-грузинские отношения практически сведены к нулю?

- Тут мое мнение однозначно – нужно в обязательном порядке найти с Россией общий язык, нельзя так обрывать связи. Без России невозможно восстановление территориальной целостности Грузии. Нужно стремиться найти взаимопонимание, ведь в России есть интелли-

генция, которая любит нас, грузин.

ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

- А вы сохранили прежние контакты?

- Со старой плеядой. К примеру, когда сюда приезжал Евгений Евтушенко, мы всегда были вместе. Уверен, что сегодня возможности подобных контактов не использованы. Ни к чему хорошему наша самоизоляция



С Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II. 1985

не приведет.

- Но межа прошла и между представителями российской и грузинской интеллигенции.

- Это отдельные случаи. Но в принципе ничего не изменилось. Вы не представляете, как нас принимали, когда мы с театром выезжали на гастроли. Я категорически не приемлю охаивание русской культуры. Тут кто-то в парламенте сказал, что не читал Достоевского. Тем хуже для тебя, а Достоевскому от этого ни холодно ни жарко. Другое дело, что у нас претензии к российскому руководству, но при чем тут российский народ и его культура?

- С чем связаны ваши самые приятные воспоминания?

- Я всегда и всюду чувствовал себя комфортно.

- А как вам это удавалось?

- Просто повезло. Так, годы моей учебы в Москве были изумительными, фантастическими!

- Не жалеете, что расстались с журналистикой?

- Нет, не жалею. Даже в ЦК партии я вел и чувствовал себя совершенно свободно. Просто не нужно быть рабом. Если в тебе чувствуют человека, то начинают уважать. А ты всегда можешь остаться человеком - при любом режиме, в любой организации. Я знал, что если мне что-то не понравится, я просто уйду. Оглядываясь на пройденную жизнь и осознаю, что снова прожил бы точно так же, абсолютно ничего в своей биографии не меняя. Да и своего неизбежного ухода из жизни абсолютно не боюсь. Ничего страшного в этом нет. Тем более, что после меня останется внук – Гиви Бараташвили-младший. Так что «весь я не умру...»

КРУГ ЧТЕНИЯ

- Что вы читаете?

- Обожаю историю. Читаю в основном исторические книги, причем меня больше всего интересует история античности и средних веков.

- А в театр ходите часто?

- Премьер не пропускаю. Часто хожу в Марджанов-

ский – замечательный театр! Леван Цуладзе – прекрасный режиссер, он знает, как надо работать, чтобы театр был живым.

- Сорок лет рядом с вами ваша жена – замечательная актриса Лика Чавчавадзе. Как вы познакомились?

- Это было спонтанное знакомство, и мы сразу понравились друг другу. Долгих ухаживаний и серенад не было...

- Работала в театре Руставели с 1956 года, объехала с «Кавказским меловым кругом» чуть ли не весь мир, - рассказывает о себе Лика Чавчавадзе.

- Моя мать – легендарная актриса Тамара Чавчавадзе, отец – Пьер Кобахидзе. Недавно я закончила книгу воспоминаний... А вот со сценой пришлось расстаться. После травмы, полученной в театре, я еще выходила на сцену в спектакле Гочи Капанадзе «Дом Бернарды Альбы». Моя героиня, бабушка, сидела в инвалидном кресле. А в спектакле «Мария Стюарт» Шиллера я играла Елизавету в старости. Так что могла себе позволить хромать. Но теперь – хватит!

- А с Гиви у вас случаются разногласия?
- Он идеальный муж, добрый, отзывчивый человек.



Михаил Лавровский в семье Бараташвили

- Гиви Бидзинович, вы действительно производите впечатление человека с легким характером.

- Да, характер у меня легкий. И вообще все у меня хорошо, нет причин для недовольства. У меня феноменальные внуки. Старшая, очаровательная внучка, Елена, менеджер по образованию, сейчас вышла замуж. Никакого отношения к искусству не имеет. Как и Гиви Бараташвили-младший. А вот моя любимица, маленькая Кетеван, на сто процентов будет актрисой. В ней есть артистическая жилка.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ

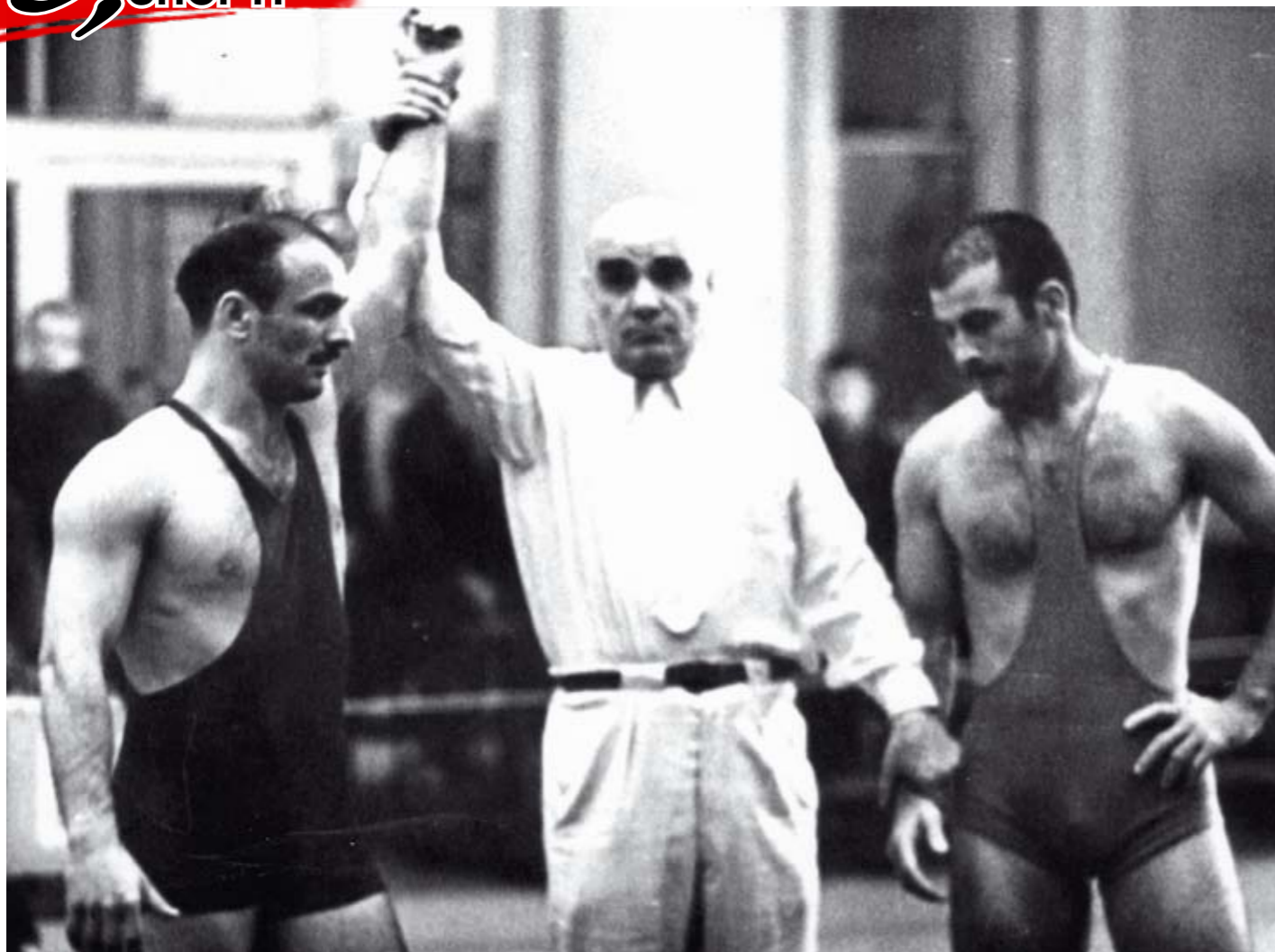
- Гиви Бидзинович, дайте, пожалуйста, ваше определение интеллигента.

- Интеллигент – интеллеktуал, который умеет видеть свои недостатки и ценить чужие достоинства. Против рака обязательно придумают лекарство, а вот от провинциализма – никогда. Люблю русскую интеллигенцию... Как они умеют ценить достоинства других людей! И у них абсолютно не было и, надеюсь, нет национализма.

- Кто в Грузии для вас эталон интеллигента?

Долгое молчание в ответ. Потом:
- Мой друг Акакий Бахрадзе. Но его уже нет в живых...

Инна БЕЗИРГАНОВА



Мераб Гудушаури (слева). Ленинград. 1962

КАКАЯ ЖИЗНЬ БЕЗ БОРЬБЫ

Оба зала – бокса и борьбы – предел мечтаний тбилисских мальчишек, располагались под западной трибуной динамовского стадиона. Вначале для Мераба все говорило в пользу бокса: залитый светом квадрат ринга, дробные очереди пневматической груши и, конечно, пример дяди, Левана Гудушаури, чемпиона Советского Союза по боксу в полутяжелом весе в личном и командном зачете. Потом вдруг его планы изменились. То ли из-за невнимательности тренера, то ли обиды, услышанной в его словах, только Мераб сделал выбор – пересек короткое расстояние до зала борьбы, где в полумраке прохладного после солнечного утра вестибуля смотрели со стенда портреты Шалвы Чихладзе, Константина Коберидзе, Вагаршака Мачкаляна, Давида Цимакуридзе – сильных, молодых, отягощенных приятной тяжестью чемпионских медалей.

Так, в год олимпийского дебюта советского спорта пришел он к заслуженному тренеру Георгию Вардзелашвили, одному из наставников, кто умел справлять худенькие плечи мальчишек в богатырскую стать

мастеров ковра. Начинать неторопливо, как подобает уверенному в себе человеку. Выиграл первенство Тбилиси и Грузии в своей возрастной группе не только в классической борьбе, но и вольной. Сегодня, видя мое удивление, объясняет: «Я ведь еще дома, в Казбегском районе, начинал с чидаобы».

Надо сказать, что большая и дружная семья Гудушаури из села Сно Казбегского района всегда дружила со спортом. Дед Евстафий обладал колоссальной физической силой и завидным здоровьем, умер в 102 года от воспаления легких. Двоюродная сестра Мераба, Лиана, дочь дяди Левана, – баскетболистка. Другой дядя, Арчил, тоже фронтовик, был горнолыжником. Двоюродный брат Мурман – известный борец, чемпион Грузии, это он уговорил Мераба заняться классической борьбой. Младший брат Элгуджа – борец-классик, мастер спорта международного класса.

В 1953 году 15-летнего Мераба ввели в основной состав сборной Грузии. И смотрины его на всесоюзном ковре состоялись в Сталинграде: первое место в команде, второе – в личном зачете. Проходит год, и Мераб уже победитель первенства СССР среди юношей.

– У меня дома хранится реликвией телеграмма Гиви Картозия, – рассказывает Мераб Ираклиевич, – он прислал ее в редакцию газеты «Лело» из Ростова, где мы с Давидом Гванцеладзе стали первыми. Победитель чемпионатов мира 1953 и 1955 годов в Неаполе и Кар-

лсруэ, он согласился на нашу с Дато просьбу и поехал с нами, на соревнованиях опекал нас, его советы были бесценны. В 1952 году я с отцом и дядей Леваном был среди зрителей в Госцирке на товарищеском матче борцов Грузии и Армении. Их борьба напоминала единоборство сказочных дэвов. Действо переносило меня в мир, где чудеса на ковре творили Валико Вешагури, Годердзи Читишвили, Джука Чликадзе, Вано Пирцхалаишвили, Вагаршак Мачкалян, Давид Цимакуридзе и, конечно, великий Гиви Картозия. Я, новичок, был покороен изысканным стилем борьбы, его физической силой. Ничего подобного я в жизни не видел. На себе испытал его бескорыстное отношение к делу. Он излучал добро, всегда отдавал больше, чем сам получал от жизни. Чего стоит одно его начинание, когда по инициативе Гиви грузинские палаваны-чемпионы мира и Олимпиад каждой весной посещают село Гиоргицминда Сагареджойского района, родину великого Арсена Мекокишвили. Это не простая поездка к Арсену – ритуал, утверждение правил жизни, если хотите знать, годовой отчет о собственном вкладе в борьбу.

Каждая минута, проведенная с Гиви, была подарком судьбы. Незабываемы учебно-тренировочные сборы в Москве, Подольске, Владивостоке, Анапе, Душети, когда после изнурительных занятий в зале он организовывал вылазки в лес за грибами, которые удивительным образом снимали усталость, буквально заряжали энергией.

С Гиви Картозия мы дружили семьями. Я крестный его внука Гиви, сына Медеи и Папуны, тезки великого деда. На нашу с Люсей свадьбу он пришел в наш роди-

тельский дом на Плеханова вместе с борцами, со всей большой борцовской семьей.

Я очень многим обязан в спорте и по жизни моему старшему другу. Как пусто стало в жизни без Гиви.

Как борец Мераб начинался дома, на всесоюзных соревнованиях, где всего труднее, несравненно труднее, чем на чемпионатах мира. Полулегковесу Гудушаури в разные годы противостояли борцы мирового класса – Владимир Сташкевич, Олег Караваев, Константин Вырупаев, Роман Дзнеладзе, Геннадий Сапунов, Евгений Зубковский...

А если вспомнить, что он совершал дерзкие «набеги» в легкую весовую категорию, где доминировал Автандил Коридзе, нетрудно представить, какого мужества и труда стоило Мерабу Гудушаури пройти строй победителей Олимпийских игр и чемпионов мира.

Его борцовская душа узнала сладость побед. Мастера контрприемов, умного тактика, обладателя колоссальной силы побавались. До высоких целей рукой подать. В пятьдесят седьмом он остановился в одном шаге от золотой медали чемпиона страны. Чемпиона мира Сташкевича заставил коснуться ковра лопатками. Наутро решающая встреча с Зубковским. Ворочался без сна всю ночь и, как результат, перегорел. Золото досталось ворошиловградцу. Гудушаури – второй, Сташкевич – третий. В следующем чемпионате страны во Львове тройка призеров расположилась в ином порядке: Сташкевич, Гудушаури, Зубковский. Россиянину с преимуществом в один балл удалось взять реванш у Мераба, которому в виде утешения достался выигрыш престижного Кубка Ядрана в югославском Сплите, где



Сборная Грузии по классической борьбе. Третий слева - М.Гудушаури. Польша. 1958

он тушировал турка Музахира Силле, будущего чемпиона Римской олимпиады. В том же году он – капитан сборной профсоюзных Грузии, которая выиграла командное первенство ВЦСПС. Сам капитан при этом не проиграл ни одной схватки, победив и в личном зачете.

Чемпионат СССР 1960 года проводился в Тбилиси. Мог ли Мераб огорчить земляков? И снова для него главная опасность исходила от Сташкевича, в решающей схватке чемпион мира первым боролся в партере и ничего существенного из выгодного положения не извлек, а потом попался на знаменитый накат Гудушаури. Повторился львовский счет 2:1, но на этот раз в пользу тбилисца. На втором месте – олимпийский чемпион Мельбурна 22-летний Вырупаев. Мераб – чемпион СССР и видит в этом знак судьбы в олимпийском году. Все дороги ведут в Рим – столицу Игр. Для него она могла начаться с Подольска, со сбора кандидатов в олимпийцы. Среди полупрофессионалов ставку делали на Гудушаури, и он не обманул ожиданий – в один день победил Сташкевича, Кацюбу, Житенева. Казалось, все вопросы сняты, но приехал из Москвы председатель Спорткомитета СССР Николай Романов, и его ждал сюрприз. В трех видах борьбы – классической, вольной и дзюдо – среди двадцати кандидатов половину составляют грузины. Спорткомитет СССР отказывает в олимпийской путевке действующим чемпионам страны Гудушаури и Гванцеладзе, которые уже в те годы показывали современную борьбу и могли рассчитывать на олимпийское золото. В Рим отправились другие кандидаты – Вырупаев (3-е место) и Гамарник (5-е место).

Так были нарушены спортивный принцип, спортивная справедливость, после чего и у самых сильных опускают руки.

Через год, в 1961-м, госпожа удача снова отвернулась от Мераба. В самое неподходящее время – на чемпионате мира в Иокогаме 6-8 июня.

Чемпионату мира предшествовали отборочные соревнования сильнейших спортсменов в московском спортивном зале «Крылья Советов» в последние дни февраля. Наибольшее количество претендентов – пять – было в полупрофессиональном весе. Чемпион СССР Гудушаури победил по очкам экс-чемпиона мира и обладателя Кубка

мира ростовчанина Сташкевича, свел вничью встречу с чемпионом СССР 1957 года Зубковским (Луганск), выиграл по очкам у олимпийского чемпиона 1956 года Вырупаева (Иркутск) и победил с явным преимуществом чемпиона Ленинграда Кацюбу. Парадокс, но бессменного участника сборной впервые вывезли на мировое первенство (команда была очень сильная, говорит мне сегодня, словно оправдывая других).

И он принялся за дело – в первой схватке победил по очкам с большим преимуществом чеха Тота, японца Мурано, иранца Шлинякхани, немца Шульца. Его встреча с египтянином Мустафой Сили закончилась вничью.



На приеме у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II



Мераб и Люся Гудушаури с внуками



С президентом ФИЛА Рафаэлем Мартинетти

В шестом (последнем!) круге в схватке с турком Ильмазом оба борца оказываются за пределами ковра и падают с высокого помоста. У Гудушаури сломаны три ребра, и врач его снимает с турнира. Этот досадный случай отбрасывает Мераба на четвертое место. Чемпионом мира становится Мустафа Сили, турок – второй, иранец – третий.

Старший тренер сборной Вячеслав Кожарский говорит ему недовольно: «Не оправдал доверие Родины». В шестьдесят втором в сильнейшем по составу отборочном турнире к международным соревнованиям на приз Ивана Поддубного Гудушаури – победитель. Во втором круге выиграл у любимого ученика Кожарского – чемпион мира Геннадия Сапунова, одного из самых техничных борцов. Припечатал армейца лопатками к коврику, после чего спросил у наставника: «На этот раз, думаю, я оправдал доверие Родины, Вячеслав Петрович?»

Путь на престижный турнир открыт. Но к тому времени Мераб решил оставить большой спорт. И в его личной жизни произошли большие события. В 1960 году он женился – Людмилу встретил на приемных экзаменах в Грузинский сельскохозяйственный институт, красавицу-баскетболистку и члена сборных СХИ и Грузии, верного друга на всю жизнь. Это была любовь с первого взгляда. Но Люся полшутя-полусерьезно сказала: «Выйду за тебя замуж, если станешь чемпионом». И он им стал, а вскоре взял новый барьер – защитил диплом в институте.

С появлением семьи пришлось серьезно задуматься о будущем.

Десять лет отдано Мерабом спорту. Самые титулованные борцы не могут похвастаться результатами поединков с ним; более того счет побед в его пользу со Сташкевичем, Вырупаевым, Силле, Дзнеладзе, Зубковским... Но все труднее сгонять вес, выдавливая в парной каждый лишний грамм. А рядом растет паренек из Мухурчи, крепкий как молодой дубок. Приехал в столицу для спорта, работы и устройства жизни. В свирепом безденежье снимал у хозяйки угол. Отработав на заво-

никакой работы, первый кинулся помогать – доставить в Госцирк из знаменитой кузницы чемпионов «Петрес дарбази» борцовские ковры; не имея билета, спрятавшись под коврами от контролеров и с горящими глазами следил за выступлениями сильнейших борцов страны. В том памятном году, пока не услышал: «Гудушаури не может согнать вес».

Но послушаем самого Романа Руруа – олимпийского чемпиона в Мехико, четырехкратного чемпиона мира: «В 61-м меня включили в сборную Грузии. Первым номером в полупрофессиональном весе был Мераб Гудушаури. Через год на заседании тренерского совета он сказал, что в команду на первенство страны нужно включить не его, Гудушаури, а Руруа. А за год до этого он делал со мной, что хотел, «дни авиации» мне устраивал. Я больше летал, чем стоял на ковре. Был он моим постоянным спарринг-партнером. Я при нем вырос. Он очень много мне дал и в технике, и в тактике. Очень справедливый – меня предложил в команду. Как знать: если бы на месте Мераба был бы другой человек, может, мой приход в большой спорт был бы значительно позднее. Он мой друг».

Задумаемся над этими словами, за которыми большая жизнь, подумав, какого тренера лишилась в свое время отечественная борьба. Впрочем, и на тренерском поприще Мераб успел поработать, правда, недолго – старшим тренером в «Локомотиве», когда по комсомольскому призыву ушел в органы, имея специальность агронома и диплом юрфака ТГУ, проработал в правоохранительных органах, вырос в профессионала высочайшего класса, занимал ответственные должности (здесь налицо пример отца, Ираклия Евстафьевича Гудушаури – организатора и лидера, крупного хозяйственника и партийного работника). Выбрал работу по характеру – в уголовном розыске – тяжелую и очень опасную – и три десятка лет оставался на переднем крае борьбы с преступностью, последовательно пройдя от оперуполномоченного УВД г. Тбилиси до заместителя начальника управления по борьбе с коррумпированной преступностью МВД СССР по Грузинской ССР и начальника штаба МВД Грузии. Он – кавалер Ордена Вахтанга Горгасала 3-й степени, больших серебряного и бронзового орденов Международной федерации борьбы (ФИЛА).

Мераб Ираклиевич рассказывает: «Меня беспокоит наметившийся раскол в обществе, потому особо хочу отметить важную и положительную роль, которую играет сегодня Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II в консолидации общества. Я довольно близко знаком с этим в высшей мере скромным и высокообразованным человеком, и наши беседы часто затрагивают проблемы спорта и, в частности, борьбы. Его Святейшество считает их важным средством воспитания молодежи, гармоничного развития личности».

Вместе с полковником запаса Мерабом Ираклиевичем Гудушаури рассматриваю фотоснимки. На одном – он на нью-йоркской улице с младшим братом Элгуджей, чемпионом СССР среди юношей 1965 года и среди молодежи 1967 года, двукратным победителем мирового первенства борцов-железнодорожников в тяжелом весе, начальником Управления единоборств Спорткомитета Грузии. Оба брата в партикулярных костюмах. Широкими плечами закрывают вид на небоскреб, а рядом с ними внушительная фигура копа в черной форме, этакого супермена из американских полицейских фильмов, что стреляют с обеих рук, а вокруг валяются наркодельцы. Я не удержался и спросил, какого он мнения о новых центурионах, и услышал: «Видишь ли, стреляют-то они намного хуже нас».

де смену, шел в вечернюю школу. И занимался в зале борьбы семь дней в неделю, по две тренировки в день, закаляя тело и сердце, как человек, задумавший подняться на большую высоту. И смотрел, как тренируются старшие, не мечтая, что его поставят рядом, и думал самолюбиво: «Взрослые, если они уважают младших, первые должны говорить: «Здравствуй дорогой, как живешь?» Тогда молодые смелее станут». И не чурался

Арсен ЕРЕМЯН



ШИЛЛЕР НА СЦЕНЕ ТИФЛИССКОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА



Творчество Фридриха Шиллера (1759-1805) пользовалось у нас большой популярностью. Молодой Грибоедов увлекался сочинениями Шиллера, которые, по свидетельству его друга С.Н. Бегичева, «знал почти наизусть». Кюхельбекер, лицейский друг Пушкина, служивший на Кавказе в 1821-1822 годах, был также страстным поклонником Шиллера. Не случайно Пушкин в 1825 году в стихотворении «19 октября» писал, обращаясь к Кюхельбекеру: «Поговорим о бурных днях Кавказа, О Шиллере, о славе, о любви».

Первый русский перевод сочинений Шиллера (пьеса «Разбойники») появился в 1793 году. Переводчик Н.Н. Сандуков (Зандукели) был внуком Мосе Зандукели, который в свите грузинского царя Вахтанга VI в 1724 году приехал в Россию и более не вернулся на родину. Его внук Сила Николаевич Сандуков стал известным актером русской сцены, а сам Николай Николаевич, юрист, профессор, возглавлял в Московском университете кафедру гражданского и уголовного судопроизводства. В то же время он был тесно связан с театром – делал переводы и сам писал пьесы.

В Грузию сочинения Шиллера попадают уже в первой половине XVIII столетия. Нельзя считать случайностью, что в наших библиотеках сохранились ранние русские переводы: «Разбойники» (1793), «Заговор Фиеско» (1803), «История Тридцатилетней войны» (1815) и др. Имеется также большое число книг Шиллера на немецком и французских языках в изданиях начала и первой половине XIX века. Среди них есть книги со штампом библиотеки штаба Кавказского военного округа, а также с надписями частных лиц. Так, например, французский перевод пьесы «Валленштейн» (1809) находился в собрании книг Петре Умикашвили, педагога и собирателя грузинских древностей. Судя по надписи, книга принадлежала его отцу Иосифу, который в 20-х годах служил во французском консульстве.

Первые грузинские переводы из Шиллера появляются во второй половине XIX века, а к концу столетия относятся первые театральные постановки его пьес.

В 80-90-х годах некоторые пьесы Шиллера исполнялись на сцене русского драматического театра. Но особенно привлекали внимание публики гастролеры: в 1885 году артисты московского Малого театра Ленский и Южин (Сумбаташвили) выступали в пьесе «Разбойники», а в 1891 году Ермолова пленяла зрителей своей игрой в

пьесах «Мария Стюарт» и «Орлеанская дева».

В 1851 году на Эриванской площади (ныне пл. Свободы) начало функционировать новое здание театра, выстроенного по проекту итальянского архитектора Скудиери. Зрительный зал, расписанный художником Гагариным, вызвал всеобщее восхищение. Директор театра писатель В.А. Соллогуб сетовал на то, что «мертвым пером нельзя выразить всей щеголеватости, всей прелести, всей ювелирной отделки нового зала». Александр Дюма, побывавший в Тифлисе в 1858 году, в самых восторженных выражениях описывает свое впечатление от зрительного зала, который он сравнивает с лучшими театрами Европы.

В новом театральном здании начали параллельно работать русская и грузинская драматические труппы, а также итальянская опера под руководством дирижера Барбиери. Оперный репертуар состоял главным образом из произведений итальянских композиторов. В 50-60-х годах поставлены были на сцене и оперы на сюжеты Шиллера, которые получили отклик в прессе того времени. Еще в сезоне 1852 года, а затем в 1857 году исполнялись на сцене отрывки из оперы Россини «Вильгельм Телль». В связи с этим в 1857 г. газета «Кавказ» в статье о Россини освещала творческую эволюцию композитора, для которого оказались тесны рамки старой оперы буфф в эпоху, когда «Гете и Шиллер старались воскресить искусство во всей его чистоте и естественности». Целиком опера была поставлена в 1867 году.

В 50-60-х годах, в период роста популярности Верди, на сцене тифлисского театра ставятся почти все новые популярные произведения прославленного композитора. Из опер на сюжеты Шиллера здесь были поставлены «Луиза Миллер» и «Дон Карлос», «Луиза Миллер» была представлена целиком в 1858 году, т.е. в один год с постановкой этой оперы в Петербурге.

Верди вызывал в то время большую полемику в музыкальных кругах всей Европы. Рецензенты тифлиских газет в 50-60-х годах, хотя дают одобрительные отзывы о некоторых его произведениях, но вообще относятся к нему критически и ставят ниже старых итальянских мастеров. Стремление Верди «передать драматические предметы музыкальными фразами» кажется рецензенту «Кавказа» слишком смелым. «Под названием «Луиза Миллер» он вздумал передать в пении Шиллерову известную драму «Коварство и любовь». Насколько возвы-

шенный гений Шиллера выше таланта Верди, настолько и «Луиза Миллер» должна быть ниже знаменитой трагедии; с другой стороны – итальянцу нельзя вместить те глубокие элементы германской поэзии, которые выработались при иных совершенно условиях быта и исторического развития; только Россини мог совладать с этими элементами, написав «Вильгельма Телля», но то был Россини, а это Верди». Несмотря на критические замечания прессы, опера «Луиза Миллер» продержалась в репертуаре тифлисского театра и в следующем сезоне, а из объявлений газеты «Кавказ» (1859, №29) мы узнаем, что в книжном магазине в Тифлисе желающие могли приобрести переложение оперы «Луиза Миллер» для фортепиано.

Постановка на тифлисской сцене в 1869 г. «Дон Карлоса» Верди тоже вызвала отклик в «Кавказе». «Сюжет оперы взят из известной всем трагедии Шиллера, разумеется с неизбежными изменениями», – писала газета. Но этот шиллеровский сюжет, по мнению рецензента, не получил у Верди достаточного музыкального воплощения. Отмечая в опере отдельные удачные места, рецензент считает, что в целом цель композитора не была достигнута и ему не удалась «усиленная разработка мысли и драматического элемента». Следует указать, что спустя два десятилетия, когда «Дон Карлос» был возобновлен на сцене тифлисского театра, он получил другую оценку и был восторженно принят публикой.

В 1874 году прекрасное театральное здание в Тифлисе погибло от пожара. Это нанесло серьезный удар театральной жизни города. Подводя итоги деятельности театра за время его существования, газета «Тифлиссский вестник» писала о большом значении театра для города. «Театр сделался центром не одного только эстетического развлечения, но и общественного сближения... Здесь совершался обмен взглядов и ощущений, примирение противоречий».

С 80-х годов начинается новый период в театральной жизни Тифлиса. Вместо итальянской оперы в 1880 г. была приглашена русская оперная труппа, дирижером которой вскоре становится известный композитор М.Ипполитов-Иванов.

В 80-90-х годах произведения Шиллера продолжают появляться в программе тифлисского оперного театра и вызывают еще большие, чем раньше, комментарии в прессе. По вопросам оперного и драматического театров много статей и рецензий писал в эти годы известный публицист А.В. Амфитеатров, который в то время жил в Тифлисе.

Из новых постановок опер на сюжеты Шиллера следует в первую очередь отметить «Орлеанскую деву» Чайковского. Постановка эта была осуществлена по желанию самого композитора, который весной 1886 г. побывал в Тифлисе, познакомился с его оперным театром и остался очень доволен тем, как исполнялись здесь его оперы, особенно «Мазепа». Сильный состав певцов тифлисской оперы позволил осуществить и постановку очень сложной в вокальном отношении оперы «Орлеанская дева». О постановке оперы пишет Ипполитов-Иванов в своих воспоминаниях. «Ввиду того, что на весь сезон 1886-1887 гг. в тифлиссский театр была приглашена на службу М.Д. Каменская, великолепное меццо-сопрано Мариинской сцены – первая исполнительница Орлеанской девы, я, согласно желанию Петра Ильича, уговорил дирекцию поставить «Орлеанскую деву» – что и было осуществлено в том же году. Партии разошлись удивительно удачно... Пожалуй, это была самая лучшая постановка за этот сезон». Опера была прекрасно принята публикой и получила высокую оценку в прессе.

Оперы на сюжеты Шиллера оказались в центре внимания публики и в сезон 1890-91, когда были заново поставлены «Вильгельм Телль» и «Дон Карлос».

Премьера «Вильгельма Телля» состоялась в декабре 1890 г. и прошла с большим успехом. В Тифлисе всегда

любили Россини, газеты печатали много материалов о его творчестве, а опера «Вильгельм Телль» с успехом шла еще во времена итальянской оперы. В 1892 г. к столетию со дня рождения композитора газета «Новое обозрение» поместила о нем большую статью, перепечатанную с немецкого, где подробно разбиралось творчество композитора и особенно его последняя и наиболее совершенная опера «Вильгельм Телль».

Впрочем следует отметить, что постановка оперы в сезоне 1890-1891 гг., несмотря на общую высокую оценку, подверглась критике, так как участвовавшие в ней исполнители пели на разных языках. Дело в том, что в то время в Тифлисе совместно с русской труппой работали приглашенные итальянские и французские певцы. Это дало повод Амфитеатрову шуточно писать об исполнении оперы, «где Телль (Рубирато) поет по-итальянски, жена его Гедвига (Маттеи) – по-французски, а сын Джемми (Бичурина) – по-русски?!.. Вот так семейка, могу сказать».

Горячо комментировал Амфитеатров и постановку «Дон Карлоса». Он дает самую восторженную характеристику исполнителям главных партий, особенно итальянцу, баритону Рубирато в роли маркиза Позы и французской певице Флаша-Вандерик в роли Елизаветы Валуа. Такие певцы воспитывали не только музыкальный вкус тифлисской публики, но давали образцы прекрасной интерпретации образов, которые они исполняли. Именно за недостаточно продуманную игру критикует Амфитеатров исполнителя роли Филиппа II, советуя ему быть сдержаннее в своей игре, а кроме того сделать себе грим, соответствующий историческому лику испанского короля.

Амфитеатров подробно говорит о месте, какое занимает «Дон Карлос» в творческом развитии Верди и насколько правильно очерчены в опере характеры шиллеровских героев. «Конечно, знаменитый инфант испанский вышел у либреттиста не тем, что в шиллеровской трагедии. В либретто он больше аркадский пастушок, чем кандидат в политические деятели, как надлежало бы. Любовный элемент – в трагедии только равносильный с политическим, даже местами уступающий ему первое место – в опере, конечно, на первом плане. Но, с другой стороны, маркиз Поза, этот «гражданин грядущих поколений» сохранил свой благородный характер и в вердиевском либретто. Принцесса Эболи несколько мелодраматична. Елизавета Валуа, Филипп II, великий инквизитор очерчены музыкально совершенно в том духе, как выведены они у Шиллера, хотя по сцене творят самых неподобающих их сану несообразностей».

Высокую оценку дали «Дон Карлосу» и другие тифлиские газеты, единодушно отметив большое значение оперы, в которой Верди отошел от старой итальянской школы законченных музыкальных номеров и принялся за создание цельного музыкально-драматического представления. Если сравнить эти статьи с той оценкой, которую получил «Дон Карлос» при первой постановке его в Тифлисе в 1869 г., то можно увидеть, насколько изменились вкусы публики за это время. Образы трагедии Шиллера взволновали публику, а Верди стал одним из любимейших композиторов.

Следует отметить, что и в XX столетии оперы на сюжеты Шиллера не были у нас забыты. Очень своеобразной и новаторской была постановка оперы «Вильгельм Телль», осуществленная в 1931 году Котэ Марджанишвили. В 1957 г. была поставлена опера Чайковского «Орлеанская дева», которую затем театр представил на Декаде грузинского искусства в Москве. А с 80-х годов в репертуар оперного театра вошла опера «Дон Карлос», в которой в роли короля Филиппа блистал Паата Бурчуладзе.

Прошло 250 лет со дня рождения Фридриха Шиллера, но созданные им образы продолжают жить на оперной и драматической сцене.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

В КОНЦЕ 2009 ГОДА ТБИЛИСЦЫ И ГОСТИ НАШЕГО ГОРОДА ПОЛУЧАТ В ПОДАРОК АЛЬБОМ «ОЧАРОВАНИЕ ТБИЛИСИ». ЭТО ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, СОЗДАННОЕ КОЛЛЕКТИВОМ АВТОРОВ – Ц.КИЛАДЗЕ, М.МЕДЗМАРИАШВИЛИ И Т.ГЕРСАМИЯ, ПОСВЯЩЕННОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ УБРАНСТВУ ПОДЪЕЗДОВ ЖИЛЫХ ДОМОВ СТАРОГО ТБИЛИСИ. ПЕРВАЯ КНИГА «ПОДЪЕЗДЫ СТАРОГО ТБИЛИСИ» ВЫШЛА В СВЕТ В 2008 ГОДУ. ОБА ИЗДАНИЯ БЫЛИ СОЗДАНЫ НА ОСНОВЕ СОБРАННОГО В ПРОЦЕССЕ РАБОТЫ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ ФИКСАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ГРУЗИИ.

ОЧАРОВАНИЕ СТАРОВОГО ТБИЛИСИ

Трудно передать его словами, уловить определенные черты. Оно витает в воздухе, звучит в мелодиях старых кварталов, в шелесте листьев, в ритмах поэтических строк... Оно по крупицам рассеяно в резьбе нависающих над улочками балконов, в темных и таинственных туннелях ведущих в маленькие внутренние дворы, в причудливой игре светотени на фасадах домов. Осыпавшаяся штукатурка то там, то здесь обнажает старинную кладку. Не раз сожженный и раз-

рушенный город вновь возрождался. Новые стены вырастали на прежних фундаментах, и еще изредка можно обнаружить приметы древнего города – то сводчатый подвал (XVII-XVIII вв.), то храм (XIII в.), воздвигнутый на здании, построенном в V веке, то фрагменты крепостной стены... Они часто не видны, эти осколки истории, но их духом проникнута атмосфера современного Тбилиси.

Одним из скрытых от посторонних глаз и поэтому немного таинственных, элементов городской архитек-

туры являются подъезды старых жилых домов. Они появились по историческим меркам недавно, в XIX веке и были результатом процесса европеизации города. Украшенные декоративной лепниной, многоцветной живописью, витражами, мозаикой, обильно позолоченные подъезды были гордостью и визитной карточкой только зародившегося нового сословия – буржуазии.

Итальянские палаццо, французские дворцы, живопись эпохи Возрождения стали предметом подражания и вдохновения. Гирлянды цветов, летящие по небу путти и похожие на сказочных фей женские фигуры, романтические пейзажи, сценки из жизни дальних стран или быта собственных предков, сюжеты поэмы Руставели – все служило поводом и предметом изображения.

Подъезды украшались сверху донизу, от вестибюля до самого последнего этажа; мозаичные полы спорили своим великолепием с росписью потолков, узор кованых балюстрад поддерживался декором стен, нижних поверхностей лестничных маршей и многоцветными бликами света, падавшего из витражей. Владельцы домов и художники-альфрейщики так увлекались созданием воображаемого мира, что выписывали элементы декора в модной в то время технике, которая средствами живописи создавала оптическую иллюзию реальности изображенных предметов. Так на стенах подъездов появлялись якобы висащие на витом шнуре картины в рамках и «античные» скульптуры в ложных нишах, за нарисованной балюстрадой открывался вид на «настоящий» средиземноморский пейзаж, а в «небе» на потолке парили птицы, облака и путти...

Смешение различных мотивов и художественных стилей, от псевдоклассических до ориентальных, было характерной чертой торжествующей эклектики. В этом есть что-то тбилиское – любовь к красочности, щедрость вымысла, сосуществование в едином пространстве многообразных форм.

Жизнь города, где смешивалось языки и народы, новое и старое, Восток и Запад нашла причудливое отражение в интерьерах. Не только заказчики, но и исполнители были людьми различных национальностей... Стены домов донесли до нас имена приезжих мастеров: Б. Телингатера, Де Марцо, И. Познана, Р. Кергера. Бок о бок с ними работали и местные мастера. Один из них, И. Вепхвадзе, впоследствии стал профессиональным живописцем и преподавал в Тбилисской Академии художеств; на стенах дома 20 по улице Кетеван Цамебули сохранились росписи художника Г. Зазиашвили.

На рубеже XIX-XX веков рост среднего класса начал теснить амбиции буржуазии и новый стиль декора уже в первые десятилетия XX века сменил пышную эклектику прежних лет. Процесс начался в Европе, где уже к концу XIX века в архитектуре, изобразительном и прикладном



искусстве широко распространился стиль модерн. Он проник и в быт – мебель, посуда, одежда, аксессуары и даже прически модниц были «захвачены» этим стилем.

В начале XX века модерн достиг Грузии. Легкий, динамичный растительный мотив свободно расположился в интерьере подъездов, рисунок как бы «перетекал» с потолка на стены, кованые решетки входных дверей, балюстрады лестниц продолжали этот мотив уже в металле. Интерьеры подъездов стали более светлыми и однородными в плане стиля, в то же время более скромными... Изредка в характерный для модерна декор вплетаются мотивы ампира, ар-деко, встречаются и реалистично написанные пейзажи, включенные в общий контекст оформлений подъезда.

Приход в 1921 году к власти большевиков прервал недолгое существование художественно оформленных подъездов. «Буржуазные» росписи противоречили идеологии пролетарского государства. Дома лишились своих владельцев и новые жильцы безжалостно расправлялись со старой культурой. Чудом сохранившиеся за последние 90 лет подъезды с фрагментами росписей и пластического декора, как фантастические машины времени, переносят нас в прошлое, где наши бабушки и дедушки были счастливыми и еще молодыми, а их новые дома празднично и победно сверкали свежей, остро пахнущей краской. Сегодня уходящая красота старого Тбилиси, его гордость и обаяние требуют нашей заботы.

Марина МЕДЗМАРИАШВИЛИ

В ТБИЛИСИ, ВБЛИЗИ СИОНСКОГО СОБОРА, ОТКРЫТ ПАМЯТНИК ВЫДАЮЩЕЙСЯ АКТРИСЕ, НАРОДНОЙ АРТИСТКЕ ГРУЗИИ И АРМЕНИИ СОФИКО ЧИАУРЕЛИ. ПАМЯТНИК СОЗДАН ИЗВЕСТНЫМ СКУЛЬПТОРОМ ЛЕВАНОМ ВАРДОСАНИДЗЕ. НА ОТКРЫТИИ БЫЛИ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПОЧИТАТЕЛИ УНИКАЛЬНОГО ТАЛАНТА АКТРИСЫ.



ДУША ГРУЗИИ

Софи́ко Чиауре́ли - яркое, неповторимое явление грузинской и мировой культуры. Эту истину давно уже никто не подвергает сомнению. Однако каково бы ни было твоё положение в мире искусства, кому бы ты ни была обязана своим появлением на свет и актерскими генами, каждый твой очередной выход на сцену должен подтвердить неоспоримую репутацию большой актрисы. И Софи́ко Чиауре́ли подтверждала всегда!

Помню свои последние впечатления от ее актерских работ...

Огромные глаза, распахнутые навстречу зрителям. В них кричит боль, страх, одиночество, отчаяние. Актриса играет на пределе чувств. «Страшнее нет глухой стены, когда стоишь в ее тени, когда ломаешь пальцы рук и стоишь от бессильных мук...» Такой предстала Софи́ко Чиауре́ли в спектакле Темура Чхеидзе «Любовная исповедь сидящему мужчине» Габриэля Гарсиа Маркеса. До этого зрители привыкли видеть ее яркой, характерной, игра Софи́ко всегда отличалась острым рисунком.

В этом же спектакле она была трагической актрисой, заставляющей вспомнить великих предшественниц. Ее манера отличалась сдержанностью, но за этим было мучительное страдание потерянного человека.

Еще одно откровение – моноспектакль «Рождение планет». Перед опытными драматургами, выступившими и в качестве режиссеров, Ингой Гаручава и Петром Хотьяновским стояла непростая задача переплавить в произведение для театра судьбы, биографии известного кинорежиссера Михаила Чиауре́ли, великой трагической актрисы Верико Анджапаридзе и их дочери, ни в чем не уступающей родителям по масштабу дарования.

Сразу обозначалась тема балагана. На сцене появлялась Софи́ко в образе забавного клоуна. Красный нос, пестрый парик, смех сквозь слезы... В семье балаганщиков наконец родилась девочка! Девочка, которой на новом витке земного бытия суждено было повторить творческий опыт своих родителей - служить искусству, перевоплощаться, доносить до людей истину, скрываясь под личиной шута. Девочка, с молоком матери впитавшая любовь к театру... Через призму ее памяти, восприятия каких-то событий прошлого, ее оценок, любви и ненависти и была показана жизнь ярчайших представителей грузинского искусства, которым довелось любить и творить в сложные, трагические времена истории...

Она - женщина из аристократической семьи, он - сын



На открытии памятника

простого зеленщика. При первой же встрече в оперном театре между ними пробегает искра - то, что принято называть любовью с первого взгляда. Вместе с героями трагического балагана эпохи мы переживаем их взлеты и падения, удачи и поражения, радости и печали. Слушаем приятный голос Михаила Чиауре́ли, мастерски исполняющего русские романсы, что тоже создает атмосферу того времени... Поражаемся завещанию Верико, кстати, написанному на русском языке, которым блестяще владела актриса. В этом нам пришлось в очередной раз убедиться - в записи звучит голос актрисы, читающей русские стихи...

Введен еще один персонаж - мим как символ театра. Он постоянно присутствует на сцене, ненавязчиво участвует в действии. На его распахнутый шутовской балахон проецируются видеокadres и слайды - бесценные документы ушедшей эпохи.

В постановке звучала еще одна тема - философская. Появление на свет каждого человека уподобляется рождению новой планеты.

На спектакле возникало ощущение, словно в зале неслышно скользили тени Верико и Михаила Чиауре́ли. Словно они сидели в зале, внимательно вслушиваясь в каждое слово, в каждый звук... А Софи́ко была трагична, смешна, трогательна, сентиментальна, иронична. Увы, спектакль ушел вместе с ней!

Вспоминаю свое первое интервью с актрисой - я была тогда совсем еще молодой, начинающей журналисткой и безумно волновалась перед встречей. А Софи́ко, снисходительно оценив мое смятение, поразила меня прямо-таки королевским величием и одновременно открытостью, сердечностью. Заговорили о счастье. Софи́ко отметила относительность этого зыбкого понятия: «Допустим, у тебя мучительно болит зуб, и вот боль прошла - и ты уже почти счастлив!» В следующую встречу, через много лет, мы снова затронули тему счастья, и актриса опять удивила меня. «Настоящее счастье умирает вместе с любовью!» - сказала она. Потеряв горячо любимого мужа Котэ Махарадзе, она связывала счастье только с минутами творческого вдохновения.

Не забуду рождественский вечер в ее гостеприимном доме, всегда распахнутом для людей. Тогда и мне посчастливилось оказаться в поле ее любви и внимания вместе с П. Хотьяновским и И. Гаручава... От этого вечера на память осталась подаренная актрисой красивая зеленая свеча, сегодня бережно хранимая мной как реликвия.



Перед глазами еще одна картина - Софи́ко, увлеченно, страстно репетирующая «Уриэль Акоста» в репетиционном зале театра имени К. Марджанишвили. Этот спектакль был особенным - в нем некогда блистала ее мать, Верико Анджапаридзе, а позднее и сама Софи́ко Чиауре́ли. И актриса пыталась передать молодым актерам сам дух легендарной постановки Котэ Марджанишвили.

Она собиралась написать книгу о своей жизни - не успела. Не исполнилась еще одна заветная мечта - открыть театр на большее число мест, чем миниатюрный театр Верико. И это она, женщина на редкость цельная, энергичная, не успела сделать - помешали бюрократические препоны.

Читаешь комментарии в Интернете, обращенные к уже ушедшей от нас актрисе, и поражаешься их эмоциональности, пронзительности - Софи́ко была поистине народной любимицей!

«Прощайте, великая и неповторимая Софи́ко!..» «Грандиозная женщина! Была... Все, кто видел ее в фильмах «Хевсурская баллада», «Не горюй!», «Мелодии Верийского квартала», «Древо желания», «Аревик», «Ищите женщину», «Покаяние», «Миллион в брачной корзине», мог удостоверить в ее безусловном таланте, безукоризненном профессионализме, яркой харизматичности, неповторимой красоте и мощной энергетике. Такая актриса делает честь своей стране. Но я никогда не воспринимала ее только как грузинскую актрису. Она - гордость и России тоже. Мир праху ее... Будем помнить...» «Чудесная, обаятельнейшая актриса! Душа Грузии».

Лучше не скажешь...

Инна БЕЗИРГАНОВА



ПАТРИАРХ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Пройдет время, и когда наши далекие потомки обратятся к Грузии XX века, интересуясь, что она дала цивилизованному миру, чем обогатила мировую литературу и искусство, какие имена подарила человечеству, среди тех немногих, чьими именами можно справедливо гордиться, обязательно назовут Чабуа Амирэджиби и его бессмертное творческое наследие.

Чабуа Амирэджиби!

Писатель и пилигрим, который оправдывает изображенный на родовом гербе крест, поднятый на Голгофе, - символ, изображающий мученическое самопожертвование за родину, за веру.

Сейчас ему исполняется 88 лет. Как будто, эта дата для других неюбилейная, но для почитателей его таланта каждый день представляется юбилейным, и мы коленипреклоненно его просим долго, очень долго дарить нам свою жизнь!

Мравалжамиер, батано Чабуа, выдающийся писатель, выдающийся сын отечества, выдающийся человек!

Союз писателей Грузии

Дорогой, глубокоуважаемый батано Чабуа!
Союз композиторов и вся музыкальная общественность Грузии поздравляет вас, великого писателя и гражданина со славным юбилеем!
Желаем Вам всего самого лучшего, долгих лет жизни на благо нашей родины.

Союз композиторов Грузии

Спасибо, батано Чабуа!
Жизнь и деятельность выдающегося грузинского писателя Чабуа Амирэджиби – блестящий пример служения родине, родному народу и искусству.
Еще будучи совсем молодым он объявил бескомпромиссную борьбу коммунистическому режиму. Почти двадцать лет выдержал в когтях беспощадной системы. Тюрьма, высылка, мучения, пытки, неслыханная смелость, несколько побегов из того ада и все ж таки сохранил любовь к человеку, родине, создал шедевры мирового значения.
Есть ли большее счастье для режиссера, какое выпало на мою долю и было дано Богом – снять многосерийный фильм по его бессмертному «Дата Туташхия».

Чабуа Амирэджиби создал такую галерею блестящих образов, что они как бы сами находили адекватных исполнителей.
Три года работы над этим фильмом были счастливейшими в нашей жизни, съемочной группы и актеров.
Спасибо, батано Чабуа, за это счастье.
Спасибо за предоставленную возможность жить рядом с Вами.
Смею напомнить об этом только потому, что Вам самому принадлежат гениальные слова: «Человек только тогда уходит из этого мира, когда ему уже нечего сказать своему народу».

Вам еще многое есть что сказать своему народу. Потому желаю долгой жизни и счастья.

*Ваш младший брат и друг, 82-летний
Гига Лордкипанидзе*

Батано Чабуа,
Грузинская нация действительно счастливая нация, так как мы хорошо понимаем, что означает рыцарский дух, дружба, взаимовыручка и любовь друг к другу. Грузия – страна, где этим ценностям придается особое значение, и, к счастью, рядом с нами всегда есть личности, которые служат примером достойной жизни.

Именно такой личностью Вы являетесь для каждого грузина, всей Грузии. Примером Вашего пройденного жизненного пути и творчеством.

Вас отличает еще одно редкое качество – нестареющая душа и задор молодости.

Выражаю искреннюю благодарность за поддержку фонда «Иавнана». Вы одним из первых призвали всю Грузию объединиться во благо добра и помочь детям, обделенных родительской заботой.

Вы действительно патриарх грузинской литературы и для всех нас являетесь любимейшей личностью, быть Вашим современником – честь для любого грузина.

Горжусь тем, что я Ваш современник и имею честь еще раз выразить Вам свое уважение и сердечно поздравить с днем рождения. Пожелать здоровья, бодрости и долгой жизни.

*С глубочайшим уважением,
Ваш Паата Бурчуладзе
18 ноября 2009
г.Барселона*



«ОТ СИБИРИ ДО МОСКВЫ»

На сцене Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили состоялась премьера малоизвестного балета Августа Бурнонвиля «От Сибири до Москвы» на музыку Ганса-Христиана Меллера.

Признаться, это было зрелище необычное, причем необычное во многих отношениях. Во-первых, удивила тема балета: первое действие происходит в Сибири, куда сосланы князь Смирнов и князь Кипиани, второе – в Москве, в княжеских хоромах, где в конце концов и решается судьба главных героев. В России же происходит судьбоносная встреча двух великих хореографов Мариуса Петипа и Августа Бурнонвиля. Запомнился лихой казачий танец из первого действия и танец жокеев из второго... Другой поразивший момент – декорации, то отсылающие нас в просторную сибирскую избу, то открывающие нашему взору впечатляющую московскую панораму, а затем – великолепные княжеские апартаменты, где проходит сцена бала. В этом заслуга обладателя «Золотой маски», известного художника Давида Монавардисашвили. Не меньшее впечатление произвели костюмы Александра Васильева.

И, конечно, хочется особо сказать о языке балета Бурнонвиля, в котором мысли и чувства преимущественно выражаются через мимику и жесты. А музыка? Она поразила своей пестротой и разнообразием. Для торжества по случаю бракосочетания наследника престола, будущего императора Александра III с датской принцессой Дагмарой, ставшей затем императрицей Марией Федоровной, Чайковским была написана Торжественная увертюра на Датский гимн (1866 г.). В увертюре произошло соединение тем государственных гимнов Дании и России, и она звучит в балете «От Сибири до Москвы».

Балет «От Сибири до Москвы», премьера которого состоялась 7 декабря 1876 года в Датском королевском театре, в последний раз танцевали в 1904 году в Копенгагене, - рассказала ассистент хореографов Екатерина Шавлиашвили. - Единственный сохранившийся до наших дней танец – это танец жокеев. Дошли до нас либретто, музыка и записи, принадлежащие Дине Берн, которая стала одним из постановщиков этого балета в Тбилиси – у ее отца были архивы Бурнонвиля с записями каких-то танцев. Но все, конечно, очень приблизительное. Воссоздавая балет «От Сибири до Москвы», немного изменили либретто, приблизив его к Грузии, хотя основа сохранилась. У Бурнонвиля фамилия одного из главных героев - молодого офицера - была Иванов, а в нашем спектакле он стал князем Кипиани. Просто взяли известную грузинскую фамилию. В оригинале действие происходило в XVIII веке, в тбилисской версии – в XIX веке. Появилась датская принцесса Дагмара, которой не было у Бурнонвиля. Однако многое осталось неизменным. Например, дивертисмент во втором акте, а также сюжет. Действие про-

исходит в Сибири, где живет писатель-революционер со своей дочерью. В нее влюбляется молодой офицер – все это есть у Бурнонвиля. Но в прологе и эпилоге добавлена линия Петипа и Бурнонвиля - они встречаются в России. Это достоверный факт. Бурнонвиль действительно путешествовал по России и встретился с Петипа.

Что касается постановочной части, то это бережно хранимое датчанами искусство, стиль Бурнонвиля. Фрэнк Андерсен, Дина Берн, Анна-Мария Вессел, Эва Клоборг являются хранителями наследия великого земляка. В Дании очень бережно его берегут, сохраняют традиции Бурнонвиля. Дина Берн привезла в Тбилиси рукописи Бурнонвиля, но в них непросмотрено было разобраться. Однако то, что удалось извлечь, было бережно сохранено и перенесено на сцену. Все танцы второго акта, в которых разные страны представляются разными реками: Англия – Темзой, Германия – Рейном, Франция – Луарой, - это идея Бурнонвиля. Это как бы спектакль в спектакле. Эва Клоборг поставила казачий танец – он тоже был предусмотрен Бурнонвилем. Но у нас в театре это абсолютно новый танец. Сохранилась литография декорации из первого акта – изба в Сибири. По этой литографии, сохранившимся указаниям о костюмах и работали художники Давид Монавардисашвили и Александр Васильев, они попытались приблизиться к тому, что было задумано Бурнонвилем. Он во всех своих балетах занимал детей – в «Неаполе», например. Нашим спектаклем заинтересовался весь балетный мир, самые известные журналисты, критики из самых модных балетных журналов. Во всем мире ставится одно и то же – «Жизель», «Лебединое озеро», «Баядерка»... Ощутим дефицит старых балетов, которые нигде не ставились. А мы вот поставили балет, извлеченный из сокровищницы балетного искусства, наследия. Любой театр мира счастлив и горд тем, что в их репертуаре Бурнонвиль. Он ставится везде, в любом академическом театре. Идут, в основном, его балеты «Сильфида», «Неаполь», «Фестиваль цветов в Дженцано».

Театр оперы и балета показал несколько представлений «От Сибири до Москвы», в том числе – благотворительный, прошедший в рамках Недели ООН (17-24 октября). Спектакль «От Сибири до Москвы» был показан для детей из социально незащищенных семей и семей беженцев из Абхазии, Гори, Боржоми, Церовани, Тквиави, Хашури, Руиси, Агара, Абиси и Тбилиси.

Спонсоры спектакля – Группа агентств ООН и руководитель балетной труппы театра Нано Ананиашвили, которая в то же время является послом доброй воли ООН.

Благотворительный спектакль проводился при поддержке Министерства культуры Абхазии в изгнании, Федерации мира Грузии, женской общественной благотворительной ассоциации «Эртоба», возглавляемой Ией Кватадзе.

Инна БЕЗИРГАНОВА



Элгуджа Бердзенишвили

Несомненно, что и до этого описывали и рисовали подобные обстоятельства, сцены, но воспринятое и изображенное Элгуджей Бердзенишвили совсем другое. Здесь повсюду царит какой-то библейский негасимый свет, на всем высветлена свежесть прошлого.

У других это все же не так восхитительно, как это удалось Элгудже Бердзенишвили передать словами песню «Хасанбегура». Это большая, виртуозная литература.

Реваз ИНАНИШВИЛИ

Умение передать с такой силой, так выпукло негибкость и рыцарскую смелость грузинского характера, как в рассказе «Хозяин» Элгуджи Бердзенишвили, я ни у кого другого не почувствовал. Брошенная подобно аркану, фраза действует и сверкает в этом рассказе, внезапно осветившая устремленным в небо пожаром, напомнила мне его огненную и поэтическую красивейшую живопись.

Не случайно эта благодатная личность и творец, Элгуджа Бердзенишвили родился 25 декабря на этом вращающемся, как прялка, и непостоянном мире.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

ЭЛГУДЖА БЕРДЗЕНИШВИЛИ, ХУДОЖНИК-ЖИВОПИСЕЦ, ПИСАТЕЛЬ, ЭССЕИСТ, РОДИЛСЯ 25 ДЕКАБРЯ 1925 ГОДА В ТБИЛИСИ. НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ПОЛУЧИЛ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ БАТУМИ. УЧЕБУ ПРОДОЛЖИЛ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ ТБИЛИСИ. С УВЛЕЧЕНИЕМ ПОСЕЩАЛ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ, ГДЕ ЗАНЯТИЯ ПО ЖИВОПИСИ ВЕЛ ПЕДАГОГ ГРИГОЛ МЕСХИ. С НАЧАЛОМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СЕМЬЯ БЕРДЗЕНИШВИЛИ ПЕРЕСЕЛИЛАСЬ В ДЕРЕВНЮ. СТАРЫЙ ПЕДАГОГ НЕ ЗАБЫЛ СВОЕГО УЧЕНИКА – ПИШЕТ ПИСЬМО, В КОТОРОМ ПРОСИТ, НЕСМОТРИ НА ТРУДНОСТИ, НЕ ЗАБЫВАТЬ ЗАНЯТИЯ ЖИВОПИСЬЮ, УСЕРДНО ГОТОВИТЬСЯ К ПОСТУПЛЕНИЮ В ТБИЛИССКУЮ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ. В 1944 ГОДУ ЭЛГУДЖА ЗАКАНЧИВАЕТ ШКОЛУ В СЕЛЕ ЦХЕМЛИСХИДИ И В ТОМ ЖЕ ГОДУ СДАЕТ ПРИЕМНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ, НА ФАКУЛЬТЕТ ЖИВОПИСИ. НО СЧАСТЛИВАЯ ПОРА УЧЕБЫ ПРОДОЛЖАЛАСЬ НЕДОЛГО. ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ ВТОРОГО КУРСА ЭЛГУДЖА БЫЛ ИСКЛЮЧЕН ИЗ АКАДЕМИИ ЗА ФОРМАЛИЗМ И НЕПРИНЯТИЕ СОЦРЕАЛИЗМА. СТЕНЫ ВУЗА ВЫНУЖДЕНЫ ПОКИНУТЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК И ПЕДАГОГ ДАВИД КАКАБАДЗЕ, ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ЖИВОПИСЕЦ ВАЛЕНТИН ШЕРПИЛОВ, ИХ УЧЕНИКИ, ЗАНЯВШИЕ СО ВРЕМЕНЕМ ПОЧЕТНОЕ МЕСТО В ГРУЗИНСКОЙ ЖИВОПИСИ. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ЭЛГУДЖА БЕРДЗЕНИШВИЛИ ВЫНУЖДЕН ПОВТОРНО СДАВАТЬ ЭКЗАМЕНЫ В АКАДЕМИЮ, НА ЭТОТ РАЗ НА ФАКУЛЬТЕТ ГРАФИКИ. ОКАНЧИВАЕТ ОН ЕЕ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ.

ОН НЕ ПРИНИМАЕТ УЧАСТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, НЕ ВЫСТАВЛЯЕТСЯ НА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ВЫСТАВКАХ. ТАКУЮ ЖЕ ВЫСОКУЮ ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ ПРОЯВЛЯЕТ К СВОЕМУ ЛИТЕРАТУРНОМУ ТВОРЧЕСТВУ, БОЛЬШИМ МАСТЕРОМ КОТОРОГО ЯВЛЯЕТСЯ.

ЭЛГУДЖА БЕРДЗЕНИШВИЛИ – АВТОР АЛЬБОМА ЖИВОПИСНЫХ РАБОТ (1997) И СБОРНИКА РАССКАЗОВ И ЭССЕ «ХОЗЯИН» (2004).

БЕССМЕРТИЕ

Вот и сегодня она заявила, принял я ее пристойно, как и подобает принимать уважаемого гостя. Стул предложил и сказал: «Садитесь, отдохните!» Села. Справилась, не побеспокоила ли.

«Такого гостя как ты, пусть посылает Бог, – сказал я в шутку, – не нуждаешься ты ни в еде, ни в питье». На мои слова долго смеялась (несмотря на нашу близость, ее хихиканье меня все же пугает, невольно избегаю глядеть на оскал зубов). Стараюсь не шутить, но не получается. Непременно хочу сделать приятное и рассмешить, может быть, потому что страшусь ее, да и кто не боится смерти?

Мы со смертью подружились давно, наше знакомство произошло совершенно случайно. После аварии, когда я оказался под опрокинутой машиной; вот там она впервые протянула мне руку и поздравила со спасением. После этого не забывает меня, навещает почти ежедневно. Ставит термометр собственноручно. Я не могу ей признаться, что у меня повышается температура, когда ее вижу. Она ухаживает за мной, клянется в дружбе: «Ты блаженствуешь, говорит, в бескорыстном труде и не замечаешь, как близится конец. Я же для того и есть, чтоб напомнить о его приближении. Время, мой дорогой друг, выставить твои творения, которым ты пожертвовал всю свою жизнь. Ты обретишь бессмертие, и моя послушная рука никогда тебя не коснется, это тебе говорит сама смерть!» – и она шутя дотронулась до моего плеча своей белой костяной рукой.

Напоминание о бессмертии бросило меня в дрожь. Это ведь означало победу над смертью. Все мое существо заставило содрогнуться это слово. И кто произнес это слово? Та, кто бесследно уносит умершего, мне же обещает бессмертие. От восторга я затрепетал и в сердцах радостно восклицал: «Напрасно я не старался, напрасно не жил». Велика была моя радость, полная надежды. В конце концов ведь должно быть оценено мое самопожертвование. Бессонные ночи, холод, голод и одиночество. Я упал на колени и простер руки к смерти: «Я тот, кто отказался от сладкой жизни, которая успешна, и ради достижения этого успеха всегда творчески горел, все созданное мною хочу посвятить своему народу». Я разрыдался. «Не плачь! – сказала мне смерть, – вставай и приступай к делу».

В день открытия выставки собралось бесчисленное множество людей. И она пришла, но как бывает обычно, ее пребывание среди нас осталось незамеченным, а посетители важно приветствовали друг друга. К рамке моего автопортрета аккуратно прикрепили букет черных роз. Я смутился. Может, черные розы от нее просто знак внимания и ничего больше, но ведь могло быть, что она указывала о моей кончине и скрытно предупреждала? Хуже дня кончины мне уготовили. Как и ожидалось, общечеловечность не приняла мое искусство. Как известно, человечество инстинктивно борется с новизной. Моя продуктивность открыла глаза на бесплодность других, мою живопись полностью осудили. Некоторые выступающие даже потребовали закрыть выставку, некоторые – моего ареста, изолировать от общества, будто всю свою жизнь я не был изолирован. Оскорбляли и ругали. Не выдержал я и громко крикнул им: «Сегодня отверга-

ете меня, а завтра будете мною гордиться!»

При оглушительном хохоте я покинул зал и выбежал наружу. Уже не переживал, какая судьба ожидает мои работы. Возможно, их разорвут, сожгут, полностью уничтожат, такая ненависть их раздирала. Мне хотелось умереть. Направился к дому, обнял ее и взмолился: «Избавь меня от этого вероломного брэнного мира – лживого и невыносимого». Вбежал в мастерскую, но там никого не увидел. «Где ты, смерть?» – кричал я в исступлении. На столе заметил записку, схватил и быстро прочитал корявым почерком нацарапанное: «Ты величайший художник, но прижизненное признание невозможно без смерти. Мы оба забыли этот вечный закон. Только после смерти наступает признание подлинного творца.

P.S. Меня вызвали по срочному делу, скоро вернусь.

Твоя смерть».



Э. Бердзенишвили. «Автопортрет»



«Утро»



«Роза»

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ ...

Черный ящик, опоясанный в середине рамкой, внизу, золотистая надпись – Панасоник. В левом углу черного ящика снизу загорается красная кнопка, пока не осветится телеэкран и не появится изображение, слышно приглушенное, непрерывное невнятное хрипение и голос диктора: «15 мая этого года утром, примерно в 6 часов 30 минут в приморском парке Батуми произошел несчастный случай».

Экран постепенно загорается и появляется стоящий на берегу моря инспектор морской полиции, молодой человек в белой форме. Он спокойно продолжает рассказывать: « В море вошла незнакомая женщина и утонула. Мы не исключаем версию самоубийства, мы пригласили единственную свидетельницу этого происшествия – прошу вас!»

В кадре появляется крупным планом седая женщина. Она взволнованно рассказывает: «Утром я проснулась очень рано, вышла на кухню сварить кофе. Наши окна с видом на море. Поскольку было еще очень темно, я раздвинула занавески. Хотелось узнать, какая погода на дворе, но увидела я совершенно другое. В утреннем полумраке какая-то одинокая женщина спешила к безлюдному берегу, меня удивило, кто она, кто ранним утром оказалась у моря с раскрытым зонтиком в руке. Потом я подумала, наверное, детей ищет, чуть свет они приходят на берег моря, ищут и собирают выносимые волнами раковины, а потом продают под пепельницы туристам, но ни одного ребенка я не увидела».

В кадр входит инспектор полиции и вежливо говорит свидетельнице: «Рассказывайте только о том, что виде-

ли».

Смущенная замечанием, она спешит продолжить рассказ: «Да, я увидела идущую к морю женщину с зонтиком, приблизившись к берегу, она спешно сняла платье и также спешно вошла в море и исчезла в волнах, словно море ее поглотило. Я не поверила своим глазам. Не отводила взгляда от волн, может быть, где-то появится, думаю, но она так и не вышла из моря. Поняла я, что она совершила, и очень испугалась. Вот и все, что я видела. Все соседи спали, но и разбуженные мною мало чем могли помочь, кому-то все же надо было сообщить, вот я вам и сообщила».

«И правильно сделали!» – говорит инспектор и что-то записывает в блокнот. Женщина делает жест рукой и говорит: «Вон там лежит все, что она оставила».

На экране видны вспененные волны, мокрые камни, хмурое небо. Камера отслеживает берег, объектив медленно скользит по мокрому песку и неожиданно останавливается на том месте, где лежат оставленные женщиной вещи, видны смятое платье, туфли на высоких каблуках, здесь же брошен сложенный зонтик. В глубине кадра – бесконечный простор и на стекле объектива брызги. Смутно видны беснующиеся в белой пене волны, брызги постепенно высыхают и чистый объектив показывает устремленные в небо волны.

Бедняжка, если бы кого-то послушалась в ту минуту, кто-то если крикнул: «Остановись, женщина, что ты задумала. Какая тайная красота гибнет», остановись, остановись, остановись, но она на этом свете никого не слышит. Женщина как бы исчезла, море поглотило ее.

Волны бесшумно разрушаются на песчаном берегу, в тишине и молчании в высоких волнах на секунду появляется и уходит на глубину женское тело в комбинации, временами из опустившейся комбинации выпадает тяжелая, белая грудь и тут же скрывается под водой. В пенящихся волнах на одну секунду видны размытые волосы девушки, бледное, окаменевшее лицо, открытые глаза цвета луны, мистические, загадочные, прилипшие к скулам тонкие маленькие ракушки; в глазах страх и трепет. В волосах запутались водоросли, волосы в белой пене, как змеи, извиваются и обвивают ее горло. Красота, обреченная на гибель, нет, нет, нет, не отдам морю красоту, остановись, остановись, остановись, женщина, чем тебя обидели, так ранили сердце, что так просто губишь себя, неужели не жаль тебе своей юности, своей нежности, остановись, остановись, остановись, прошу, остановись, девушка! Медленно поворачивает голову, смотрит с ненавистью, медленно тонет в волнах, потом появляется ее лицо, на белом побледневшем лице шевелятся посиневшие губы и в немом грохоте свирепых волн из недостижимой глубины, издали, словно с морского дна, доносится приглушенный голос: «Кто ты? Что заботишься о моем спасении... Может, думаешь, добро творишь, что ты знаешь о моей тайне, что знаешь о том, что ты знаешь, может, смерть избавление».

Волны утащили женщину, скрыли, потеряли. Смерть спасение для всех. Волны бесшумно рассыпаются на песке.

Инспектор полиции тщательно заворачивает туфли в платье, берет зонтик и передает незнакомому полицейскому, который до этого не появлялся на экране.

Инспектор громко объявляет: «Понятно, платье и туфли не раскрывают дело, но эти единственные вещественные доказательства, естественно, не могут быть здесь оставлены, мы их сдадим в управление и приобщим к делу, а дело возбуждено. Сейчас главное – найти тело, но при таком волнении, когда волны достигают



«Абесалом и Этери»

пяти баллов, поиск невозможен. Придется подождать. Через день-два море, возможно, успокоится, волны уменьшатся, и приступим к поиску. Уже оповещен корпус спасателей, в готовности несколько моторных лодок, катеров, мы непременно найдем тело, или море вынесет его где-либо».

Полицейский покидает экран, в последний раз темнота поглощает белые волны.

Экран темнеет, внезапно освещается и видна в оглушительном реве страшная потасовка, люди безжалостно избивают друг друга, и разнимающие вступают в кулачный бой. С дикими криками осыпают ударами лица. Окровавленные лица, разодранные пиджаки, в сторону свесившиеся воротники, в воздухе летают оторванные ключья, белые бабочки-галстуки, несколько участников драки неподвижно лежат на полу, крупным планом появляется толстый мужчина с высунутым языком. «Наша партия никогда...» – хрипит он сиплым голосом, в его голову летит ножка стула и он как подкошенный валит-

ся на пол. Тот, кто угостил его дубинкой по голове, как саблей размахивает ножкой стула и кричит: «Пошли вы, вашу партию тоже...» В этом переполохе раздается в микрофоне ледяной женский голос: «Коллеги! Коллеги! Просьба занять места!»

Я выключаю телевизор. Умолк ящик Пандоры. Кто была эта несчастная женщина? Внизу, с левой стороны ящика мерцает красный огонек. Красная точка постепенно уменьшается, как световой сигнал последнего вагона поезда, что виден в темноте и исчезает.

Сейчас там, в темной ночи беснуются волны. Море шумит, тяжело ворочается обвитое водорослями женское тело. Кто знает, возможно, в этот вечер оно оказалось вынесенным где-то на песок, и открытые глаза смотрят на холодно мерцающие далекие звезды. Кто она была или для чего ей понадобился зонтик?

**Элгуджа БЕРДЗЕНИШВИЛИ
Перевел Арсен ЕРЕМЯН**



НАЙДИТЕ МУЗЫКУ В СЕБЕ

чает, что две трети ее пианистического репертуара всегда связаны с Веной. Ее появление на Зальцбургском фестивале в 1979 году было началом блистательной карьеры на Западе. Она играет с ведущими оркестрами Европы и Америки под руководством знаменитейших дирижеров. Пианистку постоянно приглашают на грандиозные летние музыкальные фестивали в Зальцбурге, Вене, Люцерне.

Лиза успешно выступает с Генрихом Шифом и Виктором Третьяковым, с квартетами А. Берга, Бородина, Гварнери. Огромное количество записей свидетельствует о высочайшем уровне исполнительницы, многие из которых были премированы.

В 1996 году по инициативе Леонской для поддержки и помощи молодых музыкантов Грузии был основан благотворительный фонд «SOLO», главным спонсором которого является Елизавета Леонская. Она не ищет спонсоров и наряду с плановыми концертами систематически устраивает благотворительные концерты в Европе, целиком перечисляя сбор с концертов в фонд. Она выдает поощрительные гранты, оказывает материальную помощь нуждающимся талантливым исполнителям, финансирует участие молодых грузинских исполнителей на конкурсах или стажировках, особо одаренных приглашает с концертами в Вену. В этом обширном списке исполнители на разных инструментах.

— Как началось ваше увлечение музыкой?

— Моя мама училась фортепиано и пению. Из-за тяжелой жизненной ситуации ей не удалось довести это до желаемого результата и, естественно, ее мечтой было чтобы я стала музыкантом. Первые шаги мне давались легко, но по-настоящему я увлеклась лет с одиннадцати.

— Кто первым разглядел ваш талант?

— Может быть, моя вторая учительница, Роза Михайловна Рожок, которая предъявила мне намного больше требований и была очень строга.

— Про вас можно сказать, что вы легко идете по жизни?

— Я принимаю жизнь концертирующего музыканта легко потому, что убеждена, это моя судьба.

— Вы никогда не сомневались в своем таланте?

— Я сомневаюсь в себе постоянно.

— Вы религиозный человек?

— Я в церковь не хожу и я не крещенная, но я чувствую себя христианкой. Я верю в высшую истину. Само собой ничего не получается.

— Кого вы считаете своими учителями?

— Саму жизнь. Я до сих пор учусь жить и интуитивно проверяю свои привычки, мысли, побуждения. Один из самых решающих моментов — открытость всем и всему.

— В вашей игре много мудрости — женской, человеческой, не говоря о творческой. Когда она пришла?

— Не знаю — это *perpetuum mobile*... Мне лично очень помогает жизненный опыт, т.е. не рутина, а открытость происходящему и принятие действительности. А мудрости все равно не достаточно — мы не боги.

— Как вы себя оцениваете?

— Когда мне было 18 лет, уверенность в себе была так велика, что я думала, после Рихтера и Гилельса я лучшая. Каждый шаг в жизни убеждал меня в другом.

композитора, ему веришь.

— Что вас заставило переехать в Вену?

— Жизненная ситуация 70-х годов, смерть родителей, потерпевшая крушение семейная жизнь, тяжелая профессиональная ситуация. Для меня была закрыта граница на пять лет и общая волна эмиграции в 70-е годы послужила мне толчком.

— Вы за вольную интерпретацию произведения?

— Это девиз Нейгауза — посмотрите в ноты, там все написано, но каждый благодаря своему опыту и способности в одном и том же тексте видит больше или меньше. Тот же Нейгауз говорил: не ищите себя в музыке, а найдите эту музыку в себе и это становится задачей жизни потому, что прочтение текста без того чтобы пропустить его через нашу индивидуальность — это безличное отражение исполнения. В лучшем случае это академизм. Я уверена, он имел в виду, что за текстом стоит очень многое. Этот текст помогает заглянуть за кулисы.

— Как вы поддерживаете в тонусе руки, вы особо ухаживаете за ними?

— Я не обращаю внимание на свои руки. Я не щажу их и делаю любую работу, которая мне по силам. В этом смысле я антидива.

— Друзей сами выбираете?

— Дружба очень особая вещь. Великая вещь — дружба с детства. Новая дружба — вещь интересная. Я никогда не спешу с развитием событий. Она сама показывает: дружба это или знакомство.

— Какие люди вам нравятся?



Елизавета Леонская

Мир велик и в нем огромное количество талантов, которые я уважаю. Поэтому я убеждена только в ответственности перед своим талантом. Пусть меня оценивают другие.

— Чья оценка для вас важнее?

— Хорошего коллеги.

— Кто определяет на ваш взгляд лицо мирового исполнительского искусства?

— Я уверена, что абсолютная величина — это Святослав Рихтер. Из играющих пианистов я очень ценю Раду Лупу, Офэ Андснеса, Даниеля Баренбойма, Григория Соколова, Альфреда Бренделя, Марту Альгерих.

— Ваш любимый исполнитель?

— Раду Лупу. Он нашел свой стиль, которому подражать невозможно. Его стиль связан с его физическими возможностями, но его интерпретация захватывает с первой до последней ноты — это единая линия замысла

— Ситуативно. Люблю общаться с хорошими. Какой вопрос, таков и ответ, но главное вызывающие доверие.

— Вы все еще волнуетесь перед концертом или если не волнуешься, уже не артист?

— Да. Иногда даже очень. Это вопрос качества волнения. Волноваться продуктивно. Нервничать — это плохо. Волнение необходимо. Оно мобилизует. Я помню, в разговоре с Элизабет Шварцкопф я посетовала на то, что очень волнуясь перед концертом и она воскликнула с восторгом: «Прекрасно, значит вы вырабатываете адреналин, который очень важен».

— Где вы любите выступать, где вам комфортно?

— Я люблю выступать везде, где чувствую пульс жизни и интерес к музыке. Очень люблю выступать в Испании. В настоящий момент она находится в экономии

ческом и духовном расцвете. Там очень естественная и здоровая атмосфера в стране и ощущение, что людям действительно важна музыка и что им нравится жить на свете. Необходимое ощущение небосвода и горизонта – первое, что я ощущаю, сойдя с трапа самолета. Многообразие национальной культуры, и для меня фламенко как символ глубины и душевной силы этого народа каждый раз вдохновляет.

– Приезжая в страну, вы учитываете вкус публики или настоящий и хороший слушатель везде одинаков?

– Да. Для меня самое бесценное тишина в зале, когда звучит музыка и люди забывают себя. В каждой стране другая публика в силу разной духовности, но плохой публики не бывает. Я доверяю публике.

– Сколько вам нужно времени для восполнения сил, потраченных на концерте?

– Одна положительная эмоция. Мой опыт показывает: чем больше жизненной энергии я вкладываю, тем больше жизненной энергии я ощущаю потом.

– Хотели бы вы, чтобы ваша жизнь не зависела от импресарио и контрактов и стала бы спокойнее?

– Чтобы не зависела бы от импресарио – о, да, но спокойнее – нет!

– Узнают вас на улице?

– Иногда. Я тоже подхожу к артистам, которыми торгуюсь. Выражая свое восхищение, видя их реакции, узнаю свои.

– Когда вы не думаете о музыке?

– Когда плаваю? Когда глубоко сплю? Ведь музыка неотъемлемая часть моей жизни, поэтому граница между думать и не думать весьма относительна.

– Если бы перед вами остро встала проблема: карьера или любимый человек – что бы вы выбрали? Или карьера никому и ничему не оставляет места?

– Во-первых, я ненавижу слово карьера. Во-вторых, если спутник моей жизни не принимает того, что составляет мою основную суть, то тогда все очень сложно и отношения под большим вопросом.

– Как вы думаете – можно любить в жизни несколь-

ко раз?

– Я думаю можно, но это вопрос неоднозначный и довольно широкая тема.

– Чем вы занимаетесь в свободное время?

– Занимаюсь насущными делами, но люблю и плевать в потолок. Мне лучше пойти в кино на фильм Отара Иоселиани, чтобы опять обрести взгляд на жизнь, которая она есть абсурдная.

– Что вы делаете, когда просыпаетесь в дурном рас-

положении духа?

– Улыбаюсь и пытаюсь направить свой ум на добрые дела.

– Что вам дает радость творчества, что вдохновляет, что дает дополнительные импульсы, молодость, энергию?

– Когда посвящаешь себя чему-то и эта самоотдача приносит результат, т.е. что-то получается, открывается новый горизонт – это ощущение придает жизненную энергию. Хорошо бы всем почаще практиковать это.

– Что вы считаете вашим главным чувством?

– Ответственность.

– Любимые ароматы?

– Лаванда, розы, ореховый лист. Запах моря, хвои.

– Любимые стиль и цвета?

– 20-ые годы. Черный, светло-серый, винный.

– Любимое ощущение?

– Блаженство (сосредоточенность).

– Смогли бы вы так свободно самовыразиться в жизни, если не были бы музыкантом?

– Не знаю, наверное, нет, ведь музыка, искусство, раскрывают в нас самих то, о чем мы в нормальной жизни и не подозреваем.

– Вы знаете обо всех тяготах вашей профессии не понаслышке. Если бы жизнь начиналась снова, чтобы вы сделали?

– Не думала об этом. Может быть рискнула бы стать драматической актрисой или помогала бы старикам.

– Странный вопрос к человеку, который значительную часть своей жизни проводит на публике – и все же: вы любите публичность?

– Я люблю сидеть в тени.

– У вас не было желания заниматься со студентами?

– Ну я понимаю, что это не вечно и если буду жива, то буду преподавать.

– Лучший совет, который вы можете им дать.

– Уважайте других не меньше, чем себя.

– Из каких ингредиентов состоял бы рецепт под названием «Лиза Леонская»?

– Из очень многих: любовь к жизни и восхищение ею и ее проявлениями, будь то природа, дети, взрослые, нашедшие в ней свет и стремящиеся к нему. Самосознание, упрямство, гордость, скромность, желание добра всем, как принцип существования. Ну, в общем, полный набор.

– В чем вы остались прежней за последние годы и что в вас изменилось?

– Изменилось? Не знаю. Углубилось ощущение и видение многого. А изменилось ощущение себя.

– Вам не говорят, что вы похожи на позднюю Катрин Денев?

– Кто-то да, редко. Ну может быть из-за похожего выражения лица, вызванного ощущением жизни?

– И напоследок. Считаете или нет вы себя реализованным человеком?

– Учитывая невеликую мне данную силу таланта – в некоторой степени да...

Марина КАРЦИВАДЗЕ



Елизавета Леонская в семье Хатуны Чхеидзе

ко раз?

– Я думаю можно, но это вопрос неоднозначный и довольно широкая тема.

– Чем вы занимаетесь в свободное время?

– Занимаюсь насущными делами, но люблю и плевать в потолок. Мне лучше пойти в кино на фильм Отара Иоселиани, чтобы опять обрести взгляд на жизнь, которая она есть абсурдная.

– Что вы делаете, когда просыпаетесь в дурном рас-



ПРАЗДНИК МУЗЫКИ

В Большом зале Тбилисской консерватории им.В.Сараджишвили проходил ставший уже традиционным четвертый Международный конкурс пианистов.

Тбилисский конкурс завоевал международное признание (с 2002 года он входит в Федерацию музыкальных конкурсов мира), все более расширяется география стран-участниц в конкурсе, увеличивается число конкурсантов. Лауреаты предыдущих конкурсов (в т.ч. и талантливые грузинские пианисты) успешно выступают на концертных эстрадах мира, работают в консерваториях и других музыкальных учебных заведениях разных стран, и разумеется, Грузии.

Основателем, главным организатором, «душой» всех конкурсов является народная артистка Грузии, ректор Тбилисской консерватории, профессор Манана Доиджашвили.

В нынешнем конкурсе, который проходил в Большом зале консерватории, участвовали 25 молодых пианистов из разных стран мира, в т.ч. 12 из Грузии.

Обязательным для всех участников конкурса было исполнение пьесы Нодара Габуния «Импровизация и токката».

Для победителей были установлены «Гран-при» (15000 долларов) и пять других денежных премий, а также специальные премии, учрежденные разными организациями Тбилиси и посольствами Германии, Италии, Польши, Чехии в Грузии. Спонсором конкурса являлась компания «Magticom».

Конкурс проводился под патронатом президента Грузии Михаила Саакашвили.

Открывая вечер, М. Доиджашвили отметила куль-

турно-общественное значение конкурса, занимающего заметное место в музыкальной жизни нашей страны, а также в широком контексте международных творческих связей. Со словами приветствий выступили иностранные члены жюри, а также представители посольств ряда зарубежных стран.

В заключение вечера наш прославленный пианист Александр Корсантия с большим успехом исполнил «Вариации на тему Шопена» Рахманинова.

После первого тура жюри приняло решение допустить до второго тура всех конкурсантов, что позволило бы им еще раз показать себя при исполнении новой, более сложной программы.

Все они талантливые, профессионально отлично подготовленные молодые музыканты, о которых, я уверен, мы еще не раз услышим в будущем. К третьему туру были допущены 12 участников, среди них грузинские пианисты – Н.Берая, А.Гогава, Т.Кикнадзе, В.Жордания и А.Глигвашвили, Санджованни Сципионе, Джулиано Маццоканте (оба – Италия), Ишай Шаер (Израиль), Щепан Кончал (Польша), Андрес Анаско (Эквадор), Динара Клинтон (Украина), Евгений Брахман (Россия).

Пожалуй, наиболее интересным и содержательным оказался третий тур конкурса, в котором особенно ярко и многогранно проявились привлекательные черты искусства молодых пианистов. В результате тайного голосования жюри конкурса к последнему туру были отобраны шесть молодых пианистов (опять-таки по порядковому номеру жеребьевки) Санджованни Сципионе, Джулиано Маццоканте, Щепан Кончал, Вахтанг Жордания, Динара Клинтон и Евгений Брахман.

По решению жюри «Гран-при» остался неприсужденным. Специальными призами были отмечены неко-



Евгений Брахман

торые пианисты, в т.ч. не вышедшие в финал Н.Берая, Т.Кикнадзе, А.Глигвашвили и самая юная участница конкурса 17-летняя А. Гогава.

Обладатель первой премии Евгений Брахман (р. 1981) окончил Московскую консерваторию по классу известного пианиста и педагога Л. Наумова. Он лауреат многих международных конкурсов. На тбилиском конкурсе Брахман блеснул во втором туре, великолепно исполнив фортепианную сонату Рахманинова. Свой успех он развил в следующем туре (фантазия Брамса, соната си-минор Листа, прелюдия Мессиаана), после чего стало ясно, что талантливый москвич - главный претендент на победу в конкурсе, что он и подтвердил виртуозным исполнением Третьего фортепианного концерта Рахманинова (как и другим финалистам ему аккомпанировал Национальный симфонический оркестр Грузии им.Е.Микеладзе, под управлением эстонского дирижера Андруса Мустонена).

Вторая премия у Д.Клинтон, чему она, в основном, обязана отличному исполнению в финале концерта Чайковского. Сильной стороной ее искусства является высокая техническая оснащенность. Динара студентка Московской консерватории.

Третью премию разделили поляк Щепан Кончал (1985) и наш Вахтанг Жордания (1986), который на редкость ровно и уверенно выступил на всех четырех турах (в финале сыграл Третий фортепианный концерт Прокофьева).

Вышедший на четвертое место самый старший из участников (1976) Джулиано Маццоканте завоевал симпатии слушателей уже на первых трех турах.

Пятое место досталось Санджованни Сципионе (1987), исполнившему фортепианный концерт №2 Прокофьева.

На торжественном вечере, посвященном завершению конкурса, лауреатам и некоторым другим участникам были вручены памятные призы и награды (в том числе и денежные). М.Доиджашвили, которая также поблагодарила всех, кто способствовал проведению этого прекрасного музыкального праздника. С приветствиями выступили члены оргкомитета конкурса, некоторые иностранные члены жюри, первая леди страны Сандра Руловс.

В заключение состоялся гала-концерт с участием ла-

уреатов конкурса, прошедший с большим успехом.

Для меня большой интерес представляла встреча с одним из членов жюри, выдающейся американской пианисткой Сьюзан Старр, которая в 1962 году на Втором конкурсе пианистов им. П.И. Чайковского в Москве завоевала второе место и серебряную медаль (первую премию разделили Дж. Огдон и В.Ашкенази, третьей была наша Элисо Вирсаладзе).

В настоящее время С.Старр продолжает исполнительскую деятельность, выступает с прославленными дирижерами и симфоническими оркестрами, до 2007 года вела педагогическую работу в школе искусств «Mason Gross» при «Rutgers University».

В Тбилиси С. Старр, к сожалению, никогда не играла, но очень довольна своим пребыванием в нашем городе и работой в жюри конкурса. Отмечает высокий его уровень, в том числе отличное выступление молодых грузинских пианистов.

На мой вопрос, с кем она знакома из грузинских музы-



Жюри конкурса...



... и его участники

кантов помимо своих коллег по жюри М.Доиджашвили, А.Корсантия и Н.Кереселидзе, она называет, в первую очередь, «несравненную» Элисо Вирсаладзе и Лексо Торадзе, который своей исполнительской и педагогической работой вносит большой вклад в развитие пианистического искусства.

Нашей гостье очень понравилась фортепианная пьеса «Импровизация и токката» Нодара Габуния, которую собирается использовать в своей педагогической работе.

Большой интерес вызвал мастер-класс, проведенный американской пианисткой в Тбилисской консерватории в свободный от конкурса день. В своем выступлении на закрытии конкурса Сьюзан Старр поблагодарила грузинский народ за исключительно теплый прием.

Гулбат ТОРАДЗЕ

«НО ЮБИЛЕЙ ОТ ДНЯ РОЖДЕНИЯ ТЫ САМ НЕ ДОЛЖЕН ОТЛИЧАТЬ»,- ШУТЛИВО ЗАМЕЧАЕТ МИХАИЛ КОЗАКОВ, НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР И РСФСР. И В САМОМ ДЕЛЕ, ЛЮБОЙ ЕГО ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ И ПРОХОДИТ, КАК ПРАВИЛО, ОДИНАКОВО – БАССЕЙН, РЕПЕТИЦИИ, СЪЕМКИ, СПЕКТАКЛЬ. НО МЫ, ЛЮБЯЩИЕ И БЛАГОДАРНЫЕ ЗРИТЕЛИ, ЮБИЛЕЙ ВСЕ-ТАКИ ОТЛИЧИМ. ТОЛЬКО ПО ОБЫКНОВЕНИЮ ДЕЛАЕМ ЭТО ЧУТЬ ПОЗЖЕ, ЧТОБЫ НАШЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ БЫЛО УСЛЫШАНО НАВЕРНЯКА, ВЕДЬ НЕМЫСЛИМОЕ ЧИСЛО 75 ВЫЗВАЛО НАСТОЯЩИЙ ШКВАЛ ЮБИЛЕЙНЫХ СТАТЕЙ – ЗРИТЕЛЬ ЦЕНИТ И ЛЮБИТ КОЗАКОВА ПО-НАСТОЯЩЕМУ.



СОЛО ДЛЯ ГОЛОСА

Михаил Козаков – очень особенный артист. Потому что ни на кого не похожий человек. Персона. Он, как говорится, неформат по всем статьям – может быть, король не ко двору, а может, двор не к королю.

Взгляд со стороны – его отличительная черта. Взгляд насмешливый, но не надменный, доброжелательный, но не жалостливый, внимательный, но не разоблачающий.

Можно сбиться со счета, перечисляя сколько раз он уходил от режиссеров, и список завораживающих имен тех, которых он покидал, почти совпадает со списком тех, с кем он работал – Охлопков, Эфрос, Ефремов, Панфилов, Захаров, Кончаловский... Просто если Козаков не устраивает глубина понимания материала, он не скандалит, а бросает работу и выходит вон. «С некоторыми режиссерами у меня устанавливались непростые

отношения, - говорит Козаков. - Я предлагал свою концепцию и настаивал на ней. Если была возможность договориться, играл. А когда не договаривались, уходил». Как писал один из самых любимых его поэтов И. Бродский по другому поводу: «Это – человек, не оправдывающий действительность или себя самого; выходящий из помещения, нежели пытающийся навести в нем порядок или усмотреть в его загаженности глубинный смысл, руку провидения. Куда он из этого помещения выходит – в расправочную, на край света – дело десятое. Он не устраивает из происходящего с ним драмы, ибо драма не устраивает его».

Высшей ценностью, смыслом и счастьем для Козакова было и остается Слово. Это актер слова. Все остальные «инструменты», которыми пользуется артист, «на подхвате» и играют подсобную роль при главной. «Чтение стихов — это как будто ты служишь мессу, словно ты священник, - признается Козаков. - Звучит немного пафосно, но это так. Вот и надо стараться читать, исполнять, импровизировать так, чтобы потом ощутить: да, получилось...» Поэтому слово, произнесенное Козаковым, не спутаешь ни с каким иным – это всегда штучный товар, высококлассная авторская работа. Причиной тому не только талант, что понятно, но и некие мистические совпадения, да и генетическая предрасположенность. Козаков родился в один день с Лермонтовым, что всегда особо отмечал Б. Эйхенбаум, друг семьи,

известный лермонтовед. Такие совпадения не только льстят самолюбию, но и обязывают. В друзьях семьи были, часто захаживая в ленинградскую квартиру Козаковых на канале Грибоедова, Е.Шварц, М.Зощенко, А.Мариенгоф... Миша Козаков слушал вживую авторское чтение А.Ахматовой и Б.Пастернака. Чувство слова у Козакова не только приобретенное (в таком-то окружении!), но и врожденное. Его отец – писатель Михаил Козаков, мама – литературовед Зоя Никитина, «сестра» «Серапионовых братьев». Однако, помимо серьезного отношения к литературе, к слову сказанному и написанному, родители преподавали сыну и иные, не менее важные уроки. Так, например, один из первых уроков верности друзьям и жизненным принципам, независимости от власти и денег имущих Миша Козаков получил от отца: когда в 1947 году началась травля на Зощенко, писатель Козаков был едва ли не единственным, кто не кидался на противоположную сторону улицы при виде Зощенко, лишь бы не здороваться, и через несколько дней после появления ставшего позорно знаменитым постановления писатели благополучно пили брудершафт в квартире Козаковых... От мамы будущий артист и литератор научился умению ярко и кратко формулировать мысль, отсекая, как великий скульптор от мраморной глыбы, все лишнее. К примеру, именно Зое Александровне принадлежит афоризм: «Мы умрем, и никто не узнает нашего вкуса». Козаковы жили небогато... А заметив как-то, что сын слегка навеселе, мама дала ему совет, которому Козаков старается следовать всю жизнь: «Миша, пей веселое вино и никогда не пей грустное». То есть пей от радости, но не с горя, как горький пьяница...

Чувство слова – главное в артисте и человеке Козакове. Он не только понимает его точность и красоту, но и безусловно ощущает его судьбоносную силу, очень



Михаил Козаков

хорошо понимая, что «слово отзовется». В подтверждение этого он приводит строчки, например, Тарковского «Слово – только оболочка, Пленка жребиев людских. На тебя любая строчка Точит нож в стихах твоих...» или Шекспира «В гибели воробья есть особый промысел. Если теперь, так, значит, не потом; если не потом, то,

значит, теперь; если не теперь, то все равно когда-нибудь... Пусть будет». Не зря Козаков придирчив в выборе ролей и точен в выборе произносимых слов. Он почти не дает интервью, потому что не доверяет журналистам работу со своими словами. И именно поэтому он один из очень немногих (почти единственный, пожалуй, только наряду с Сергеем Юрским, с которым они напару ходили в театральные кружки ленинградского Дворца пионеров) блестяще пишущих актеров. Да и мир он в большей степени воспринимает как литератор, нежели как артист – ему хочется не столько воплотить окружающее, сколько запечатлеть. Запечатлеть в слове. Судьба подарила Козакову по-настоящему фантастические роли – одного Шекспира он сыграл от Гамлета и до Лира. Как шутит сам артист, «из не сыгранных осталась только роль черепа Йорика». И пишет он не потому что не доиграл, но потому что не договорил. Его книги – это его соло, его независимость, отсутствие которой он так ясно ощущает как артист. «Я всегда стремился к одному понятию, – говорит Козаков. – Это – независимость. Еще Пушкин говорил: независимость – словечко-то ерундовое, но больно сама вещь хороша. Я никогда никого не свергал, никогда не лез в интриги. Я отстаивал только свою точку зрения и свою личную независимость». И еще он острее других чувствует, что роли – это «рисунки на песке», как и называется одна из его книг. «Может так случиться, – замечает артист, – что через много лет все забудут про мои роли и мои спектакли, а книга как раз и останется для людей, которые будут интересоваться театральным процессом в те времена, когда я проживал на земле». Стиль его письма прост и неуловим, но его тексты не спутаешь с другими, потому что в них есть авторская интонация и то «лица необщее выражение», которое отличает и написанное, и сыгранное, и прочитанное им.

Он обескураживающе откровенен. К примеру, в одной из своих книг он признался, что сотрудничал с КГБ. Да и не сотрудничество это было, Козаков никогда не был стукачом, и неудавшийся «Штирлиц» провалил задание охмурить иностранку, но все же... На вопрос, зачем он написал об этом, Козаков ответил: «Сказав «а», не будь «б». Христианину, принявшему православие еще в 16 лет, ему очень трудно прощать себя. И судит он очень строго – опять-таки, в первую очередь, себя. Он сам себе и ад, и Вергилий, и Дант...

Со своими любимыми женщинами быть откровенным ему очень просто – он никогда не лжет, никогда, как он говорит, «не параллелит», и потому с бывшими женами, а их ни много ни мало четыре, сохранил дружеские отношения.

А как артист он не откровенен. Он не реалист, но и не выдумщик. О главном для Козакова-артиста можно догадаться по его умолчанию. У зрителя всегда есть возможность додумать, доиграть, доразмышлять. Да Козаков и не оставляет иного пути. Из множества дверей, ведущих в лабиринт души его героев, заветная всегда остается закрытой, а ключ от нее только у Козакова. Вот и изнывай от любопытства, что же там, за закрытой дверью? Думай. Только для такого зрителя – думающего – и трудится артист.

Хотя Козаков может быть и необыкновенно легкомыслен. Вообще резко сменить привычное амплуа для

актера не только радость, но и по-настоящему значительный риск. Козаков на подобный риск пошел не задумываясь. Исполнив на театральной сцене роли в спектаклях «Гамлет», «Обыкновенная история», «Сирано де Бержерак», «Дон Жуан», после фильмов «Убийство на улице Данте», «Девять дней одного года», «Хождение по мукам», «Выстрел», «Вся королевская рать», уже задумываясь как режиссер над «Маскарадом» и «Фаустом», он взял да и с легкостью снялся в изящных и уморительных комедиях «Соломенная шляпка» и «Здравствуйте, я ваша тетя!», сыграв гротескные роли и умудрившись остаться в них элегантным. Может быть, дело в том, что трагическое восприятие мира гармонично соседствует в нем с органическим ощущением комического и вообще с тем исключительным чувством юмора, которое и отличает человека одаренного. Говоря словами М. Жванецкого, «юмор – это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно». Это и про Козакова. Он вообще очень ценит в артисте умение заразительно смеяться, рассмешить, уловить комическое в драматическом, трагедийное в смешном, да и просто способность расхохотаться от души. Иногда он и сам такой. «Миня, смешливый ты мой», – только так и обращался к нему Андрей Миронов...

Самое большое влияние на Козакова оказали и оказывают только любимые личности. Это поэты и артисты. Пушкин, Тютчев, Бродский, Самойлов... Луспекаев, Даль, Ефремов, Миронов, Высоцкий... Любимых поэтов он читает со сцены, ставит по их произведениям спектакли – «Пушкин и о нем», «Дует для голоса и саксофона», «О ты, последняя любовь», «От Пушкина до Бродского»... О любимых артистах пишет – и это одни из самых замечательных воспоминаний, которые только можно прочесть.

Он остается непреклонным и неуступчивым. Идти в работе на компромиссы он не то чтобы не хочет, но не умеет. В свое время на полке долго лежала картина «Покровские ворота». «Такие картины делают люди, сбежавшие в Тель-Авив или в Америку! – кричал на Козакова тогдашний телевизионный начальник Лапин. – Это мерзость и пошлость!» А сегодня это легендарное кино, которое давно растащили на цитаты, и его смотрит уже третье поколение зрителей. Козаков не меняется и продолжает снимать неформатное кино, его и сегодня, как это ни дико, продолжают не пускать на экран. Одна из последних его работ – «Очарование зла» – посвящена судьбе Марины Цветаевой и Сергея Эфрона и повествует о карательной работе ОГПУ в 30-е годы. Российский телевизионный канал, приобретший картину, так и не показал ее телезрителям.

А в Грузии эту работу Козакова уже видели. Вообще, роман между Грузией и Козаковым – это навсегда. В конце концов, Козаков в свое время женился на грузинке именно по любви – по любви к Грузии. Брак распался, а любовь к этой земле осталась, и осталась дочь – замечательная актриса Манана Козакова, а теперь еще и внучка Тинатин. И это уже не просто любовь, но и счастливая работа – на сцене театра имени Марджанишвили Михаил Козаков поставил «Чайку».

В трагические дни августа прошлого года Козаков был



единственным из российских деятелей культуры, кто выразил слова поддержки

грузинскому народу, не политикам, а именно людям, для которых война – это кровь, это боль, это жертвы... «Почему мне особенно тяжело? – сказал артист, выступая в эфире известной радиостанции. – Я даже не знаю, с какой еще республикой мы были так тесно связаны, как с Грузией. Почему мои русские коллеги, любимые, уважаемые друзья помалкивают, как будто ничего не происходит? Наверное, просто боятся, не хотят высказываться. Я никого не осуждаю, каждый выбирает свой путь. Но делать вид, что вообще ничего не происходит, когда происходят страшные вещи, – это ужасно. Бойтесь равнодушных и молчаливых. К сожалению, мы лично ничего не можем сделать, кроме как говорить вслух о том, что думаем и чувствуем. Как говорится, паны дерутся, у холопов чубы трещат. А уже не чубы, а кровь льется... Но говорить надо».

Было бы неверно сказать, что Михаил Козаков – на обочине мейнстрима. Он – по своей колее. Жизнь была бы чудесна, если бы мы все потопали вслед за Козаковым или хотя бы воспользовались маячками, которые он расставляет для нас тут и там. Уж кто-кто, а он идет не закоулками и не по проторенным дорожкам, а по светлой стороне своей улицы. Поэтому впрочем и в одиночку. «Да, я давно ощущаю себя одиноким волком, – признается Козаков. – И что такое – вписаться в эту среду? Добиваться орденов я не хочу. Я слишком ленив и высокомерен».

«Я не люблю манежи и арены, на них миллион меняют по рублю», – писал любимый им Владимир Высоцкий. Это позиция немногих. Это позиция и Михаила Козакова. Свой «золотой слиток» таланта и чести он не разменяет никогда.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ



ЧУДЕСА В СТРАНЕ АЛИСЫ

«Над ней не властны годы. Не прискучит Ее разномыслие вовек»... Эти шекспировские строки звучали бы, как надуманный комплимент, если бы не были так к месту, произнесенные в адрес Алисы Фрейндлих, если бы так точно не подходили к ней. С годами она не только не утратила своего магнетического очарования, но оно стало, кажется, еще ярче, а ее талант превратился в мастерство высшей пробы, когда «божья искра» разгорается все ослепительнее... Не зря в ее облике и образе по-прежнему поражают и завораживают распахнутые ясные глаза – взгляд, не могущий вдоволь насмотреться на мир, взгляд, готовый к неведомому. Неужели для нее, актрисы тонкой и неповторимой, есть еще загадки и чудеса в этом мире? Ее глаза говорят, что да, есть... Не зря большинство статей о Фрейндлих как называли, так и продолжают называть «Алиса в стране чудес». Ожидание чуда – какое чудесное и счастливое качество творца!

У Алисы Фрейндлих – исключительная и актерская, и петербургская закваска. Не в новомодном значении этого слова, а в классическом, каноническом его значении. Это не только ее детские впечатления – дом на Исаакиевской площади, Медный всадник в пяти минутах ходьбы, вид на Неву из окон отчего дома... Это не только прекрасная генетика, передавшаяся от родителей-актеров: «Рыцарское отношение моего отца к театру не могло не подействовать на меня», – говорит актриса об отце, народном артисте СССР Бруно Фрейндлихе. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что ее предки были садоводами при царском дворе. Вывод

слишком очевиден, чтобы от него отказаться, – не из далекого ли прошлого ее стремление дотошно выпестовать, взрастить каждую роль? А роли Фрейндлих многообразны, как цветы в ботаническом саду, – в спектаклях «Иркутская история», «Малыш и Карлсон», «Укрощение строптивой», «Преступление и наказание», «Дульсинея Тобосская» (Театр им. Ленсовета), «Вишневый сад», «Макбет», «Двенадцатая ночь», «Дядюшкин сон» (БДТ), в фильмах «Анна и Командор», «Служебный роман», «Сталкер» и так далее, и так далее... Но главное, что у Алисы Фрейндлих петербургская (или питерская, или ленинградская?) натура. Безукоризненная красота города, пережитая в нем блокада, колоссальное культурное эхо, непрестанно звучащее в Петербурге, пришли в сочетание с даром богов и создали, как великое произведение жизни и искусства, Алису Фрейндлих. Это – исчезающий вид! – сочетание прочности и хрупкости, силы и грации, женственности и мужества.

Нам повезло, актриса не раз бывала в Тбилиси. В свой последний приезд в 2002 году (в год 300-летия города на Неве) в рамках фестиваля «Виват, Санкт-Петербург!», организованного Центром российской культуры в Грузии, Алиса Фрейндлих представила тбилисцам музыкально-поэтический спектакль «Гори, гори, моя звезда», и это стало не только театральным событием, но и театральным потрясением. А в первом же интервью по возвращении домой актрису спросили о ее тбилисских впечатлениях. Вот что она ответила: «Грузины вообще очень любвеобильны и всегда замечательно принимают гостей. Но сейчас объятия были намного шире. Именно из-за последних событий. Мне потом, к концу наших гастролей, напомнили мою фразу, которую я сказала, когда нас в аэропорту встретили журналисты: «Наши политики повели себя так, что нам остается только брататься». И горячность, на которую способны грузины, была удвоена создавшейся трудной политической ситуацией. Ведь грузинская интеллигенция очень страдает от того, что нас разъединили. Я не знаю, как к этому относятся простые люди, но судя по тому, как заполнялся зал, как горячо нас встречала публика, наверное, они тоже переживают очень сильно». Сегодня эти слова воспринимаются особенно пронзительно...

Не один год прошел, а ясный свет присутствия Алисы Фрейндлих в Тбилиси длится и длится. Незабываемая – вот она какая. Вечно желанная и ожидаемая – это она.

Среди множества воспоминаний, которые оставляет общение с ней, есть одно, которое в принципе случается крайне редко. Подумайте, для кого существует и работает артист? Кто на него смотрит, кто вглядывается? Зритель, публика, скажете вы, и будете правы. Еще – интервьюеры, фотохудожники... Но есть множество глаз, которые наблюдают за артистом по ту сторону кулис – это работники театра и сцены, администраторы, вахтеры, уборщицы, осветители, звукорежиссеры... Чего уж исполнителю заботиться о впечатлении, которое он оставит не на сцене, а за кулисами? – отыграл и уехал. Мы такие бесславные примеры тоже знаем. Но Алиса Фрейндлих и тут была особенной. Ее приветливость и доброжелательность, деликатность и неприхотливость были настолько исключительны, что сотрудники Тбилисского театра имени Грибоедова, на сцене которого выступала актриса, вспоминают об этом и по сей день – как об особой радости знакомства, как о чуде общения, а они, уж поверьте, видали виды.

Алиса Фрейндлих, на счастье всем нам, очень востребованная актриса. Не знаю, «наигралась» ли она, но мы, зрители, на нее все еще не насмотрелись. Как всегда, мы любим и ждем.

С днем рождения!

Нина ШАДУРИ

МЕСЯЦ ХРИЗАНТЕМ

Оказывается мир детства гораздо более сакральная территория, чем нам казалось.

В мрачную прохладу тбилисского музея «Карвасла» вступаем словно проваливаясь в глубины памяти – собственной и народной. По ходу падения боковое зрение выхватывает карету, красивые предметы и вещи давно забытых дней, выброшенные на поверхность котла вечности. Зацепившись за временной карниз, карабкаемся куда-то вверх по лестнице – словно на чердак памяти. Там всегда ждет сюрприз. Одна за другой выставки бесспорно сакральных вещей – будь то флаконы редких духов, мистические фотографии, переворачивающие душу картины родного города, либо наряды великих кутюрье для не менее великих сограждан. На сей раз там выставка японских кукол.

Так уж повелось, что японцы являются одухотворителями мира вещей. То, что для всех обычная весна – для них религиозный ритуал цветения сакуры. Для всех гряда камней – для них философский сад. Вот и с куклами все гораздо сложнее. Ну нет у них куклы, которую можно просто сломать! Все они глубоко сокровенны. Требуют любования и бережного ритуального хранения. Куклы, в первую очередь, обереги семьи и детей. Предметы магических обрядов, передаваемые по наследству. Японцы не выкидывают старых кукол в мусор. Их принято относить в храм и поручать заботам буддийских монахов, знающих как правильно провозжать в последний путь. Иногда они складывают кукол в маленькие лодочки и спускают по реке к морю. Считается, что с ними уходят многие грехи, проблемы и несчастья.

Мы никогда не задумывались о подобных вещах, сломали и испортили за свою детскую жизнь не одну куклу. Но в наших самых первых воспоминаниях всегда присутствует хоть одна – резиновая, гуттаперчевая, фарфоровая либо матерчатая, что была первым в жизни другом, выслушивала горькие обиды и первые жизненные наблюдения. С ней мы засыпали в детских кроватках и отбывали наказание в углу. А еще учились заботиться о близких, нянчить детей, варить обед, оперировать гланды и аппендицит, учились жить.

Что если правы японцы, если болезни и страдания переселяются в кукол. И тогда ту любимую надлежало немедленно бросить в воду или сжечь на костре. Хорошо мы про это не знали, иначе что стало бы с детской психикой после подобного зрелища. Красота всегда ходит рука об руку с жестокостью. Но лучше узнать об этом позже.

Тут же на выставке ничего жестокости не предвещает. А торжествует красота во всем ее японском великолепии. Известные нам барби и кэны мгновенно меркнут и переходят в разряд ширпотреба, не выдержав сравнения с произведениями официального японского искусства. Ведь не случайно, раз в год лучшему кукольному мастеру присваивается титул «живое национальное сокровище». Такой мастер верит, что он создает вещь более совершенную и долговечную чем он сам. Вот почему все японские куклы притягивают и соблазняют своей таинственностью и неповторимостью.

Царственно расположилась императорская фарфоровая семья, облаченная в шелка и драгоценную парчу – это куклы хина-нинге. Их покупают когда в доме рождается девочка. Через много лет они отправятся с ней в дом мужа, а до того времени будут раз в году выставляться в доме на специальной этажерке, покрытой красным шелком в третий день третьего месяца –

на праздник девочек, а в остальное время храниться в домашнем алтаре. Грозные самураи в доспехах с полным вооружением. Это гогацу – куклы для мальчиков. Они призваны воспитывать мужество и самоотверженность, и приобретаются к празднику мальчиков в пятый день пятого месяца, когда по всей Японии в воздухе парят бумажные карпы. Воинственность самураев компенсируется изысканной пластикой нежных гейш с джокондовскими улыбками. Их маленькие изящные кимоно вытканы цветами сакуры, алыми листьями клена, драконами. Повязаны сверху шелковым поясом оби. Крошечный зонтик, деревянная обувь гота, веер – все на месте. Волшебные феи вот-вот оторвутся от постаментов и вылетят в окно.

Есть и толстенные деревянные куклы госе – талисманы путешественников. Тельца их присыпаны толчеными раковинами устриц, от этого слегка мерцают на свету. А тельца деревянных кимекоми оклеены тканью, и от этого у них очень уютный вид. Хочется взять на руки и приласкать.

Керамические танцовщицы хаката, механическая каракури и неваляшка-варум – символ японской стойкости и непобедимости. Но глаза ищут кики – куклу из живых хризантем. Ее здесь, к сожалению, нет. Впереди ноябрь. Для нас это месяц листопада, а для японцев – хризантем – государственного символа Японии. На празднике осени по всей Японии будут создавать кукол, высотой в человеческий рост, с лицами из папье-маше и в кимоно из разных сортов свежих хризантем. За ними будут бережно ухаживать, обворачивая корни цветов мхом и поливая специальными растворами, чтобы все успели полюбоваться необычной красотой.

У японцев нет слова «кукла». Нинге – это два соединенных иероглифа. Один означает «человек», другой «форма». Это мы играем в куклы, они же ощущают себя богами, создающими людей по своему подобию.

Через пару дней я снова зашла в музей. Выставка закрылась. Кукол увезли.

Ирина МАСТИЦКАЯ





ТЕАТР ГУРАМА ЧЕРКЕЗИШВИЛИ

Как ни странно, началось все с футбола. Еще мальчишкой, в детстве, которое выпало на послевоенные годы, он собирал ребят со всех соседних дворов и устраивал импровизированные футбольные матчи. Спустя годы, этот организаторский талант вылился в режиссуру. И не только. По следам юбилея наша беседа с «заслуженным грибоедовцем» Гурамом Черкезишвили.

- Расскажите о вашем детстве.
- Меня воспитывали родители отца – Семен Георгиевич и Софья Григорьевна. Мой отец погиб на фронте, когда я должен был пойти в школу. У мамы на руках остался мой младший сводный брат – Вахтанг Кикабидзе. Мое детство выпало на послевоенное время – голодное, неуютное, и в то же время полное романтизма. Дед с малых лет водил меня на футбол. А потом я собирал соседских мальчишек и «тренировал» их. Видимо, это желание организовывать и общаться было во мне с детства.

- А детство у вас было интересное?
- Еще бы. Я любил театр, ходил по школьному абонементу в театр Марджанишвили, ТЮЗ, театр Руставели, оперу. Ходил в Грибоедовский, где я впервые посмотрел «Чайку» и «Трех сестер», например. Но больше чем театром я увлекался кино. Мальчишкой бегал смотреть американские вестерны, наизусть знал «Серенаду Солнечной долины». Повзрослев, полюбил итальянский неореализм, в первую очередь Феллини.

- Эта любовь даже привела вас во ВГИК?
- Да, я поехал поступать в мастерскую к Михаилу Ромму. Но не попал, и потом недолго учился на киноведческом факультете.

- И тем не менее, идею стать режиссером вы не оставили?

- Вернувшись из Москвы, решил поступать в Тбилисский театральный институт. Однажды встретил на проспекте Руставели Роберта Стуруа, который в то время заканчивал режиссерский факультет у Михаила Туманишвили. Роберт посоветовал мне подождать год, и поступить к Михаилу Ивановичу, который собирался набирать группу, что я и сделал. Мы стали последним чисто режиссерским курсом, потому что со следующего года стали набирать объединенные мастерские. Моими однокурсниками были Гоги Кавтарадзе, Давид Кобахидзе, Евгений Гинзбург и другие.

- Но в театр вы попали раньше, чем в театральный?
- Получилось так, что на режиссуру я пришел зрелым человеком с дипломом педагога. А на профессиональную сцену попал будучи студентом историко-филологического факультета Тбилисского педагогического института им.А.С.Пушкина (ныне – Государственный университет им.И.Чавчавадзе).

- И опять не обошлось без ваших организаторских способностей.

- В Пушкинском я организовал самодеятельный театральный кружок. мы играли «Трех сестер» А.Чехова, «Убить человека» Д.Лондона, «В добрый час» В.Розова. И вот, на одном из смотров самодеятельности, где представили юбилейный вечер А.Чехова в моей постановке, присутствовали основоположник тбилисского ТЮЗа Николай Маршак и замечательный режиссер Рем Шаптушвили. Они меня заметили и пригласили к себе. Уже на третьем курсе я был зачислен в труппу театра, сначала как актер, а потом, поступив в театральный, как режиссер. Много и с удовольствием ставил для детей и юношества – «Белоснежку и семь гномов» Ш.Перро, «Пузырьки» А.Хмелика, «Таню» А.Арбузова. Был ассистентом Р.Шаптушвили на спектакле «104 страницы про любовь» Э.Радзинского, это были мои первые шаги в режиссуре.



Гурам Черкезишвили со студентами



Сцены из спектаклей Гурама Черкезишвили

- Вы ставили спектакли за пределами Грузии?
- Несколько раз ставил в России – в Воронеже был первым постановщиком пьесы Отии Иоселиани «Пока арба не перевернется», три года проработал в Волгограде в своеобразном, областном гастрольном театре. Для меня это был ценный опыт.

- Вы когда-нибудь пробовали себя в кино?
- И в кино, и на телевидении. В 1970 году я один год работал на Центральном телевидении, режиссером программ об искусстве. Судьба подарила мне замечательное лето, когда я был вторым режиссером на фильме Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд».

- Что для вас значила педагогическая деятельность?

- Я сорок с лишним лет работаю со студентами. А до этого работал с детьми в театральных студиях Дворца пионеров и Дома офицеров. В театральной институте группы у меня были самые разные, музыкальные. С одной из них мы поставили замечательную комическую оперу «Кето и Котэ» с оркестром. Были и национальные группы – русские, абхазские, ингушская. Я заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушетии. Именно педагогику я считаю своим призванием.

- А есть у вас любимый спектакль?
- Безусловно, это «Ханума» А.Цагарели. Его я ставил три раза – на русском в Екатеринбурге, на грузинском в ахалцихском театре и на ингушском со студентами.

- Как вы попали в Грибоедовский театр?
- Сюда меня привел Сандро Товстоногов. Мы с ним вместе преподавали в театральном, а потом он позвал меня ставить «Последнее слово за вами» Г.Данаилова. Вообще, работа в Грибоедовском – это целая глава моей жизни. Мне посчастливилось работать с замечательными актерами Н.Бурмистровой, М.Июффе, Т.Белоусовой, В.Семиной, Б.Казинцом и многими другими. В общей сложности Грибоедовскому театру я служу 33 года. Поставил на его сцене 20 спектаклей, среди которых такие известные как «Последнее слово за вами» Г.Данаилова, «Старомодная комедия» А.Арбузова, «Человек, который платит» И.Жаммака, «Звезда немого кино» И.Ольшанского, «Ключ» Н.Саймона.

- Став режиссером, каких принципов вы всегда придерживались?

- Я читал как-то последнее интервью Михаила Ивановича Туманишвили, в котором он говорил, что нужно до конца оставаться верным своему актеру. Для него и для нас – его учеников, это было самым важным. Можно, конечно, рассуждать о различных театральных концепциях и направлениях, но в основе всего – актер. И если у меня были удачные спектакли, я всегда в первую голову ставил актера. Никогда не ставил спектаклей на политические темы. Я люблю человеческий театр. Признаться, изначально не думал о режиссуре, меня всегда тянуло к актерам, актерству. Думаю, я нашел ключ в общении с людьми. Тем более, что актеры – люди очень ранимые и эмоциональные. Потом, став режиссером – я понял, что самое главное, знать ради чего ставишь спектакль.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

МУЗА РУССКОГО ИСКУССТВА

Имя Саломеи Николаевны Андроникашвили теснейшим образом связано с культурой петербургского Серебряного века, послереволюционного Тбилиси и русского зарубежья. Ее называли музой русского искусства XX века. Она вдохновляла поэтов, живописцев, скульпторов. Ее рисовали, писали, лепили художники и скульпторы – Борис Григорьев и Кузьма Петров-Водкин, Василий Шухаев и Александр Яковлев, Савелий Сорин и скульптор Серафим Судьбинин. Она дружила с Анной Ахматовой, подарившей ей свой поэтический сборник «Четки» с трогательной надписью: «Милой Саломее Николаевне в надежде на дружбу». Марина Цветаева обращала к ней слова любви и нежной дружбы.

Кто же она, эта «красавица тринадцатого года», как называла ее Анна Ахматова?

Саломея Андроникашвили родилась в 1888 году в семье князя Ивана (Нико) Захаровича Андроникашвили, агронома по образованию и общественного деятеля по призванию. Окончив московскую Петровскую земледельческую и лесную академию (ныне Тимирязевская сельскохозяйственная академия), он вернулся в Грузию и занялся сельским хозяйством. Он любил и хорошо знал свое дело, много читал и всерьез популяризировал знания в этой отрасли, издавая и редактируя журнал «Вази да гвино» («Лоза и вино»).

Семья Андроникашвили принадлежала к интеллектуальной элите грузинского общества. Так, родной дядя Саломеи Иосиф Захарович Андроникашвили был не только инициатором строительства Кахетинской железной дороги, но и видным общественным деятелем. Музыкант-любитель, он стал одним из первых руководителей Тифлисского отделения Российского музыкального общества, сам играл на нескольких музыкальных инструментах. Именно в его доме останавливался П.И.Чайковский в свой приезд в Грузию. Мать Саломеи Николаевны, Лидия Николаевна, приходилась близкой родственницей поэту Плещееву, так что любовь к искусству, литературе и музыке была в их семье традиционной. Помимо Саломеи в семье росло еще двое детей: сын Иасе, впоследствии известный режиссер, и дочь Мария. Отрочество и юность княжна провела в Батуми,



К.Петров-Водкин. П-т Саломеи. 1925

где Иван Захарович с 1903 года и вплоть до революции был бессменным городским головой. С 1910 года она постоянно жила в Петербурге. После неудачного замужества поселилась с дочерью в большой квартире на Васильевском острове, и вскоре ее дом стал одним из центров духовной и культурной жизни Петербурга, хотя и не был литературно-художественным салоном в общепринятом смысле слова. Необыкновенное обаяние и теплота, тонкий вкус и любовь к поэзии, живописи, музыке, присущие хозяйке, делали его притягательным для музыкантов, писателей, художников. На домашних концертах там играли пианисты Г.Нейгауз, А.Боровский и композитор С.Прокофьев. Частыми гостями были поэты М.Кузмин, О.Мандельштам, А.Ахматова, художники В.Шухаев, А.Яковлев, Н.Радлов. Именно тогда, в 1916 году Мандельштам написал и посвятил Саломее Николаевне стихотворение «Соломинка», а позже – «Мадригал», в котором обыгрывалась фамильная легенда о византийском происхождении рода Андроникашвили: «Дочь Андроника Комнена./ Византийской славы дочь!./.../Помоги мне пышность тлена/ Стройной песнью превозмочь./» В том же году, познакомившись с кузиной Саломеи Тинатин Джорджадзе-Танеевой, Мандельштам посвятил «прекрасной грузинке» одно из блестящих своих стихотворений – «Я потеряла нежную каменку».

Почти через четверть века в стихотворении «Тень» Ахматова воскресит «день тех отдаленных лет» и образ своей подруги: «Всегда нарядней всех, всех розовой и выше./ зачем всплываешь ты со дна погибших лет.../ О

тень! Прости меня, но ясная погода./ Флобер, бессонница и поздняя сирень/ Тебя – красавицу тринадцатого года - / И твой безоблачный и равнодушный день/ Напомнили...А мне такого рода/ Воспоминанья не к лицу. О тень!» Им довелось встретиться еще раз в 1965 году, когда Анна Андреевна приезжала в Англию в связи с присуждением ей степени почетного доктора Оксфордского университета. Саломея Николаевна подарила тогда Ахматовой ту самую шаль, в которой ее похоронили через год. Анна Андреевна завещала ей свою палку.

Лето 1917 года Саломея Николаевна провела в Крыму в компании близких друзей: художника В.Шухаева, его жены, поэта О.Мандельштама, профессоров Петербургского университета К.Мочульского, В.Жирмунского, А. Смирнова. Общество собралось высокоинтеллектуальное и образованное: по вечерам читались стихи, разыгрывались тут же сочиненные комедийные сценки, устраивались импровизированные маскарады. Было весело и непринужденно. В сентябре общество разъехалось: Саломея с дочерью отправились к родным, в Грузию, остальные – в Петроград.

Тифлис на период 1917-1920 г.г. стал средоточием культурной жизни всего юга России. Гонимые буйными ветрами революции и гражданской войны, сюда устремились многие актеры, писатели, художники. Одни искали спасения от голода и неустроенности, для других этот город был всего лишь перевалочным пунктом в их бегстве на Запад, третьи искренне и увлеченно принимали участие в культурной жизни, вдохновляясь самобытным древним искусством и щедрой красочностью южной природы. Свой след, хотя и кратковременного пребывания, оставили в художественной жизни города

художники С.Сорин и С.Судейкин, поэт и художественный критик С.Городецкий. Выступления грузинских поэтов-«голубороговцев», футуристов или петербургских акмеистов сменяли друг друга. Как всегда Саломея Андроникашвили привлекала литераторов: с ней дружили Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. Спустя много лет она вспоминала: «Они писали мне в альбом, который сгорел во время войны, когда в мой дом, где живу и сейчас, попала бомба». Среди светских знакомых Саломеи оказались и некоторые петербургские поэты-акмеисты, так что и в Тифлисе она была в центре художественной жизни.

В 1920 году в Грузию прибыла французская военная миссия, в составе которой был Зиновий Алексеевич Пешков, родной брат Якова Свердлова. Он, как и его брат, принимал активное участие в революционном движении, был сослан, бежал из ссылки, добрался до Капри, где встретился с А.М.Горьким. Горький усыновил его, дав ему свою фамилию. В годы Первой мировой войны Зиновий Пешков вместе с русским экспедиционным корпусом сражался во Франции. Человек отчаянной храбрости, в тяжелых боях под Верденом он потерял руку, стал национальным героем Франции и кавалером ордена Почетного легиона. Герой Вердена был сражен красотой и обаянием грузинской княжны и предложил ей уехать с ним в Париж. Она легкомысленно согласилась и отправилась во Францию, как ей думалось, ненадолго, а оказалось – навсегда.

В Париж постепенно стекались эмигранты из России и Грузии. В 1921 году туда приехали Шухаевы из Финляндии и первое время жили в квартире Саломеи и ее близкой подруги по Тифлису Ашхен Манучаровны Меликовой, на рю Альфред Стевен. И во Франции Саломея Николаевна – притягательный центр для деятелей искусства. Среди ее друзей Алексей Толстой и Илья Эренбург, ей дарят свои работы художники Н.Альтман, Г.Лукомский, И.Пуни. Непременная участница литературных вечеров, она помогает литераторам, оказавшимся в тяжелых материальных условиях. Общеизвестна ее дружба с Мариной Цветаевой и та материальная поддержка, которую Саломея Николаевна ей оказывала. К ней обращался за помощью Илья Зданевич, когда в своих странствиях по Франции оставался без средств. Их связывали давние дружеские отношения еще с юности, проведенной в Батуми. Как и все, кто встречался с Саломеей, Зданевич был немного влюблен в нее: рисовал ее портреты-шаржи, писал ей стихотворные экспромты или шуточные любовные послания. Вот один из этих экспромтов, сохраненный блестящей памятью Саломеи Николаевны: «На улице парижской Колизея/ Жила годов пятнадцать Саломея, /Порядок домовый четыре дважды, /Прохожие, снимите шляпу каждый!»



С.Андроникашвили-Гальперн. 1970-е гг



В Шухаев. П-т С.Андроникашвили. 1924-1925

Саломея была вдохновительницей не только поэтов: ее своеобразный облик всегда привлекал художников. Не отличаясь классической красотой или внешней эффектностью, она привлекала особым обаянием, живостью ума, изяществом и даже какой-то артистичной изысканностью. Потому-то наряду с признанными петербургскими «красавицами тринадцатого года» она и вошла в сознание своих современников как символ красоты и блеска Петербурга до эпохи революционных потрясений.

Так же как для поэтов, для художников Саломея Андроникашвили представляла своего рода «тип эпохи». Она стала моделью для многих из них, в том числе и для Василия Шухаева. За долгие годы дружеского общения он написал несколько ее портретов. Кроме того, она позировала ему для мифологической картины «Алкмена». Знаменательно, что все портреты, разделенные примерно пятилетними промежутками, выглядят по-разному. Первым по времени шухаевским портретом Саломеи является сангинный рисунок, сделанный в 1917 году в Крыму, в Алуште, где они вместе проводили лето. Шухаев обладал даром беспристрастного наблюдателя и умел передавать индивидуальные черты модели беспощадно правдиво. В суховатой сдержанности позы, в почти аскетической худощавости лица с плотно сомкнутыми губами нет ничего от облика обаятельной светской дамы, живой и легкомысленной. Видимо, психологическая невыраженность образа входила в задачу художника, привлеченного не столько характером модели, сколько, как это часто бывало у Шухаева, какой-либо деталью в костюме или в облике портретируемого. Здесь толчком послужила летняя панна оригинальной формы, чем-то напоминающая летный шлем авиатора. Не случайно некоторое время этот портрет считался портретом первой женщины-пилота.

Творческим импульсом для Шухаева могло послужить искусство другого художника, в частности, произведения старых мастеров, и тогда модель подбиралась в соответствие с заранее обдуманной концепцией портрета. Такова предыстория второго портрета Саломеи, написанного весной 1921 года в Париже. Более подробную историю создания этого произведения описала в своих воспоминаниях В.Ф.Шухаева: «Будучи в Лондоне (при переезде из Финляндии во Францию в январе 1921 года – Н.Э.) Шухаев влюбился в картину Сурбарана (кажется, Св. Тереза), и все мечтал написать такой портрет. Когда у Саломеи появилось платье – черный гладкий бархатный лиф и очень широкая черная же блестящего шелка юбка с золотыми ткаными полосами – он уговорил Саломею позировать ему для портрета в этом платье. Его интересовало только платье, а не лицо /.../. Затем он написал ноги в красных чулках. Саломея очень протестовала против этих красных чулок /.../, но Шухаев стоял на своем – ему нужно красное пятно в композиции». Сумрачный, но звучный колорит этого произведения действительно напоминает колорит великих

испанских портретистов XVII века. Образ модели, хотя лицо ее совершенно портретно, в чем убеждают сохранившиеся фотографии того времени, психологически не выражен, так как свою задачу художник видел в декоративности, в тонкой передаче живописных нюансов.

Чрезвычайно интересен портрет, приблизительно датируемый 1924-1925 гг., на котором С.Н.Андроникашвили изображена сидящей в кресле на фоне далекого пейзажа и облачного неба, видных в проеме странно-ломанного силуэта. В этом портрете ярче и глубже просматривается шухаевская эстетическая концепция – создание портрета-картины в духе столь им любимых итальянских мастеров Ренессанса. Но историческая реальность, стиль эпохи вносят коррективы в художественную форму: появляется облачное небо, контрастирующее с мягким холмистым пейзажем, а фоном служит вычурно вырезанный проем. И в самой сидящей фигуре не ощущается статического покоя: поза ее кажется странно-напряженной, а взгляд тревожно вопрошающим. Натурный образ преобразуется в соответствии с условным замыслом художника. Становится понятным и выбор модели, который отнюдь не был случайным. Ведь во всех портретах Саломеи работы Шухаева главное не столько передача портретного сходства, сколько способ трактовки, при котором модель из-за присущих ей качеств как бы выражает психологию своего времени. В этом отношении Саломея Андроникашвили была моделью идеальной.

Интересно сравнить шухаевские портреты Саломеи с ее же портретом работы Зинаиды Серебряковой, написанным в Париже в том же 1924 году. Портрет этот находится в собрании Национального музея Грузии (Государственный музей искусств Грузии имени академика Ш.Я.Амиранашвили), куда поступил по завещанию С.Н.Андроникашвили в 1982 году после ее кончины.

У Серебряковой совсем иной подход к созданию образа портретируемой. Поместив модель в интерьер с минимальным количеством деталей, художница не забыла изобразить рядом папки с рисунками как веский аргумент принадлежности портретируемой к миру искусства. Для нее главной задачей было показать особое обаяние модели, ее «светскость», утонченную одухотворенность. Мягкая гамма золотисто-коричневых и зеленовато-фишачковых тонов, певучая ритмика линий создают неповторимый художественный язык портрета. Работая над портретом, Серебрякова приводит свои впечатления от модели в соответствие с представлениями своих современников о личности портретируемой, т.е. той роли, которую она играла в обществе. А для парижской русской общины Саломея Николаевна была своеобразным связующим звеном между разрозненными группами представителей литературно-художественного мира, осколков великой русской культуры, которые осели в Европе после 1917 года.

В 1925 году в Париже был написан еще один портрет С.Н.Андроникашвили художником К.С.Петровым-Водкиным. Он целиком сосредоточился на лице модели, справедливо увидев в ее облике ярко выраженные черты времени, «тип эпохи».

Все эти произведения, созданные в одно и то же время разными художниками, стали достоянием русского искусства, но благодаря изображенной на них личности вошли и в историю русской литературы XX века.

Нонна ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

Расписание регулярных рейсов «ЗИМА-2009» А/п базирования – Звартноц (Ереван) (UDYZ/EVN)

С 25 ОКТЯБРЯ 2009г. ПО 27 МАРТА 2010г.

День	Тип ВС	Отпр.	Приб.	Рейс	Направление	Рейс	Отпр.	Приб.	Примечание
1	A319/A320	19.30	19.10	U8-347	Алеппо	U8-348	20.40	00.10/+1	
7	A319/A320	08.10	10.10	U8-151	Амстердам	U8-152	14.30	21.55	
2	CRJ2/A319	10.00	10.35	U8-937	Астрахань	U8-938	12.50	15.30	
1 5	CRJ2/A319	06.30	07.30	U8-105	Афины	U8-106	12.00	16.30	
1 4	A319/ CRJ2	06.00	07.45	U8-307	Бахрейн	U8-308	09.00	12.55	
5	CRJ2/A319	23.30	23.35	U8-305	Бейрут	U8-306	01.00/+1	05.00	
2	A319/A320	09.20	10.30	U8-115	Берлин	U8-116	12.15	19.05	
6	A319/A320	11.30	11.35	U8-945	Владикавказ	U8-946	13.10	15.20	
7 2	A319/A320	08.30	11.35	U8-303	Дубай	U8-304	13.05	16.20	
5	A319/A320	05.30	08.35	U8-303	Дубай	U8-304	09.55	13.10	
3	CRJ2/A319	08.30	11.35	U8-303	Дубай	U8-304	13.05	16.20	
7	A319/A320	18.20	22.40	U8-995	Екатеринбург	U8-996	00.40/+1	03.10	
4	A319/A320	15.30	16.10	U8-855	Киев	U8-856	17.45	22.15	
1 3 5	A319/A320	11.50	12.30	U8-931	Краснодар	U8-932	14.10	16.50	
5	A319/A320	02.50	04.45	U8-508	Москва (ШРМ)	U8-507	07.00	10.45	25ОКТ-20ДЕК
1 2 3 4 5	A319/A320	02.50	04.45	U8-508	Москва (ШРМ)	U8-507	07.00	10.45	21ДЕК-31ДЕК
6 7	A319/A320	02.50	04.45	U8-508	Москва (ШРМ)	U8-507	07.00	10.45	08ЯНВ-27МАР
1 2 3 4 5	A319/A320	14.30	16.20	U8-512	Москва (ВКО)	U8-511	17.30	21.10	
6 7	A319/A320	09.45	11.30	U8-510	Москва (ДМЕ)	U8-509	13.00	16.35	
1 2 3 4 5	A319/A320	18.15	20.00	U8-516	Москва (ДМЕ)	U8-515	21.35	01.15/+1	
6 7	A319/A320	22.30	00.15/+1	U8-518	Москва (ДМЕ)	U8-517	01.05	04.40	
1 2 3 4 5	A319/A320	19.20	21.15	U8-961	Н.Новгород	U8-962	23.15	03.10/+1	
6	A319/A320	18.35	01.05/+1	U8-991	Новосибирск	U8-992	02.50	05.45	
1	A319/A320	22.40	22.55	U8-825	Одесса	U8-826	00.25/+1	04.30	
6 5	A319/A320	08.45	10.50	U8-101	Париж	U8-102	14.00	21.50	
2 3 7	CRJ2/A319	10.00	11.10	U8-121	Рим	U8-122	12.30	19.20	
2	A319/A320	17.45	18.30	U8-927	Ростов	U8-928	20.30	23.10	
3	A319/A320	19.20	22.00	U8-971	Самара	U8-972	23.50	02.30/+1	
6	A319/A320	09.00	11.45	U8-887	Санкт-Петербург	U8-888	13.15	17.45	
7 3	CRJ2/A319	19.10	19.05	U8-835	Симферополь	U8-836	20.35	00.25/+1	
7 4	A319/A320	08.40	09.00	U8-967	Сочи	U8-968	11.00	13.15	
3	A319/A320	22.50	23.10	U8-5011	Стамбул	U8-5012	00.10/+1	04.20	
1 2 3 4 5	A319/A320	06.30	07.15	U8-21	Тбилиси	U8-22	08.00	08.45	
6 7	A319/A320	17.35	18.20	U8-23	Тбилиси	U8-24	20.45	21.30	
1 2 3 4 5	A319/A320	05.05	09.05	U8-9063	Уфа	U8-9064	11.00	13.10	Только 03, 17 НОЯ 01, 15, 29 ДЕК.
1	A319/CRJ2	23.00	23.05	U8-865	Харьков	U8-866	00.10/+1	04.05	
1 4 5 6	CRJ2/A319	09.10	10.35	U8-117	Цюрих	U8-118	13.35	20.35	

Условные обозначения:

«Д» – о выполнении рейса сообщим дополнительно
«/+1/» – следующие сутки



Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM